ПРОФ. А. В. ФАБРИЧНЫЙ

ГКЗО
Ф 122

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ

ОМСК 1917-1918

ОГИЗ • ОМГИЗ • 1942

25 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Проф. А. В. ФАБРИЧНЫЙ

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ

ОМСК 1917-1918

Под редакцией
и с предисловием
Е. М. Тетерева

ОГИЗ
ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОМСК 1942

1985
ГК50
ф 122

58/924

ОТ АВТОРА

Настоящий очерк охватывает период от марта 1917 г. по май 1918 г., т. е. Февральскую революцию, подготовку и проведение Октябрьской социалистической революции и первые месяцы деятельности Советской власти в Омске до контрреволюционного переворота 7 июня 1918 г.

Для составления очерка автор имел возможность использовать только местный материал: некоторые литературные источники, имеющиеся в Омской и Новосибирской библиотеках, газеты соответствующего периода, архивные материалы и воспоминания участников описываемых событий. Особое значение для автора имели указания т. Ярославского.

Автор выражает глубокую благодарность т. Ярославскому, прочитавшему рукопись и сделавшему ряд очень ценных замечаний.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четверть века назад, 7 ноября 1917 г., пролетариат России, руководимый героической партией Ленина — Сталина, совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, сверг с помощью всего трудового народа власть эксплоататоров и угнетателей и установил впервые в истории человечества власть Советов.

„Теперь мы,— говорил Ленин вскоре после Октябрьского переворота,— на расчищенном от исторического хлама пути будем строить мощное светлое здание социалистического общества, создавая новый невиданный в истории тип государственной власти, волей революции призванный очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства".

Двадцать пять лет прошло с того дня, когда на одной шестой части земного шара в результате свержения господства капиталистов и помещиков началось строительство нового, советского социалистического государства.

„...Мы гордимся,— писал Ленин,— тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн".

Мы можем с гордостью заявить сейчас, что народы нашей страны не только отстояли завоеванную в октябре 1917 г. Советскую власть в борьбе с внутренними и внешними врагами, но и сумели осуществить первую фазу коммунизма — социализм.

Эта всемирно-историческая победа, открывшая новую страницу в истории всего человечества, достигнута в труднейших условиях и ожесточеннейшей борьбе, в срок небывало короткий с точки зрения мировой истории.

В этой титанической работе руководящая роль принадлежала и принадлежит большевистской партии.

Партия Ленина — Сталина, преданная делу рабочего класса, самая передовая революционная партия, закаленная в боях,

сумела сплотить вокруг себя все революционные силы страны и, обладая твердым руководством Ленинского ЦК во главе с гениями революции Лениным и Сталиным, ведя самую непримиримую борьбу со всеми врагами и штрейкбрехерами, обеспечила в октябре 1917 г. победу Великой Октябрьской социалистической революции.

„...Победа Октябрьской революции, — писал товарищ Сталин, — означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплоатируемых масс всего мира".

Октябрьская революция отличается от всех предшествующих революций тем, что она поставила к власти пролетариат, самый передовой, прогрессивный класс человечества, и навсегда уничтожила эксплоатацию человека человеком.

Рабочий класс России уничтожил буржуазно-помещичий государственный аппарат и создал вместо него государство нового типа — Советы, как форму диктатуры пролетариата. Буржуазная демократия была заменена пролетарской демократией, демократией социалистической, показавшей все свои преимущества с первых же дней Советской власти, неуклонно развивающейся на протяжении всех минувших двадцати пяти лет и нашедшей свое яркое и наиболее полное воплощение в Сталинской Конституции социализма.

Октябрьская революция освободила угнетенные нации, сделала их равноправными членами нашего социалистического общества и подняла их до положения активных строителей социализма.

Наша революция раскрепостила многомиллионные массы женского населения и привлекла их к активному участию в социалистическом строительстве и управлении государством.

Великая Октябрьская социалистическая революция расколола мир на две системы — систему капитализма и систему социализма и создала в лице Советов базу и оплот мировой социалистической революции.

Победоносное знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина водрузилось на одной шестой части мира.

За двадцать пять лет под руководством партии Ленина — Сталина пройден великий исторический путь борьбы. Советский народ на этом историческом пути уничтожил эксплоататорские классы, разгромил троцкистско-бухаринское отребье и, раздавив эту фашистско-шпионскую мразь реставраторов капитализма, вступил в новую, счастливую и радостную жизнь. „...Социализм для СССР есть то, — говорит товарищ Сталин, — что уже добыто и завоевано".

Счастливой и радостной жизнью наш народ обязан великому Сталину. Это он неустанно руководил героической борьбой и вел миллионы людей от победы к победе. Это он, ве-

ликий гений, вождь, друг и учитель угнетенных всего мира, твердо и неуклонно ведет трудящихся Советского Союза через все зигзаги истории вперед, к коммунизму.

На стройках пятилеток, на фабриках и заводах, у домен и мартенов, в колхозах, совхозах, МТС — везде и всюду, где шла борьба за социализм, партия Ленина—Сталина в боях с классовым врагом и его агентурой организовывала массы, воспитывала их, выращивала и закаляла беззаветных борцов, строителей социалистического общества, учила их преодолевать все трудности и побеждать.

Ныне большевистская партия монолитна как никогда. Под руководством партии все более крепнет и растет морально-политическое единство советского народа, дружба народов СССР и советский патриотизм.

Советский народ записал в своей Конституции о роли и значении партии Ленина—Сталина как о своем передовом отряде, как о своем вожде, ибо только она была и остается руководящей силой в борьбе за коммунизм, ибо только она успешно руководит трудящимися СССР в их борьбе за развитие и процветание социалистического строя.

Под руководством партии Россия нэповская стала Россией социалистической. Еще в первые месяцы Советской власти, весной 1918 г., в известной статье „Главная задача наших дней" Ленин развернул программу действий, рассчитанную на то, чтобы обеспечить укрепление нашей родины и расцвет социалистического хозяйства. Эпиграфом к статье Ленин взял тогда незабываемые некрасовские строки:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка Русь...

В этой статье Лениным была выражена непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала могучей и обильной. Глубочайшей любовью к родине была продиктована поставленная Лениным задача: ликвидировать вековую отсталость нашей страны, превратить ее в могучую социалистическую державу.

Под гениальным руководством великого продолжателя ленинского дела товарища Сталина эта задача выполнена с блестящим успехом. Наша родина чудесно преобразилась. Она сняла с себя рубище нищеты, она стала одной из самых мощных индустриальных стран мира, с самым передовым в мире колхозно-совхозным сельским хозяйством. Бурным ключом забили источники культурного строительства. Счастливой и радостной стала жизнь всех трудящихся. И на эту счастливую жизнь, на наше достояние, на нашу советскую родину, на ее культуру и историю, на славные памятники ее прошлого напали, как разбойники из-за угла, немецкие фашисты. Гитлеровская Германия навязала войну нашей советской родине. Гит-

леровские орды временно захватили часть нашей территории и стали творить там чудовищные злодеяния. Массовые пытки, убийства, издевательства над мирными жителями, организованное истребление мужчин и женщин, детей и стариков, осквернение и уничтожение культурных и исторических памятников великого русского народа, повсеместные грабежи и разбои, насилия над женщинами — вот что несут с собой разбойничьи орды немецких мародеров.

Советское государство подверглось великим испытаниям. Эти испытания советские люди выдержали с честью. Наша родина устояла под ударами гитлеровской военной машины.

„Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, какие мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришло бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем“ (Сталин).

Ни один строй не мог и не может дать народам таких материальных благ и прав, таких возможностей политико-экономического и культурного процветания, какие дал в результате победы пролетарской революции советский строй. В этом секрет того, что советский строй является наиболее прочным строем.

„Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции“ (Сталин).

На основе проведения ленинско-сталинской национальной политики с каждым годом росла и крепла дружба между народами нашей страны. Она росла и крепла в борьбе с националистами всех мастей, с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, антисемитизмом, троцкистами, бухаринцами и другими врагами народа. В „Кратком курсе истории ВКП(б)“ говорится, что, не разбив национал-уклонистов всех мастей, партия не смогла бы отстоять знамя великой дружбы народов СССР и построить Союз Советских Социалистических Республик.

Когда гитлеровские империалистические разбойники вероломно напали на нашу родину, они рассчитывали, что Советский Союз, объединяющий десятки народов, после первого же серьезного удара начнет распадаться. Гитлеровцы мечтали не только изолировать СССР от других держав мира, но и вызвать раздоры между народами Советского Союза.

В истории народов и государств немало было случаев, когда многонациональные государства при первом же серьезном испытании действительно разваливались и переставали существовать. Так было, например, с Австро-Венгерской империей в первую мировую войну. То же случилось и с некоторыми другими старыми многонациональными государствами. Но

только тупые и ограниченные „политики“ из гитлеровской разбойничьей клики могли предположить, что эта история старых многонациональных государств повторится и в отношении Советского Союза.

Эти мечты гитлеровской клики полностью провалились. Братский союз народов СССР нерушим, их дружба неразрывна, она спаяна священной любовью к своей родине, скреплена и сцементирована десятилетиями общей борьбы народов за лучшую, светлую жизнь, борьбой против внутренних и внешних врагов. Поддерживая друг друга, помогая друг другу, народы СССР общими усилиями разгромили полчища белогвардейцев и интервентов в период гражданской войны, они вместе строили, создавали и укрепляли свое великое советское государство. И их совместные усилия дали богатые плоды.

Теперь эта дружба народов СССР скреплена новыми узами — общностью задач по разгрому фашистских орд, напавших на нашу страну,— и она сыграет свою роль в разгроме гитлеризма. В Отечественной войне дружба народов СССР, их сплоченность вокруг партии Ленина — Сталина великая сила; она является важнейшим условием, важнейшей основой нашей грядущей победы над гитлеровскими бандами, основой нашей непобедимости.

„Дружба между народами СССР,— говорил товарищ Сталин,— большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует“.

Наша сила, наша непобедимость в боевом единстве народов СССР, в сплоченности их вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг советского правительства, вокруг великого вождя народов товарища Сталина.

Любовь к родине удесятеряет силы советских воинов, дает им гигантское моральное превосходство над врагом. Гитлеровские бандиты воюют во имя грабежа, насилия, захвата чужих стран, порабощения чужих народов. Эти цели войны — разбойничьи, захватнические — не могут не определять собой моральный облик гитлеровской армии, этой банды палачей, убийц, двуногих скотов. Советские воины сражаются во имя защиты родной земли, во имя чести, свободы, независимости нашей родины. Эти цели войны — справедливые, освободительные — определяют высокий моральный облик воинов Красной Армии.

В веках будут жить подвиги, беспримерный героизм и величайшая самоотверженность, творимые советскими воинами. Сталинские соколы — любимцы всей страны — применяют в воздушных боях против фашистских стервятников таранный удар, который требует не только высокого летного мастерства, но и большой смелости и подлинного героизма.

Отечественная война насчитывает уже много таких случаев, когда командир, окруженный фашистами на своем коман-

ном пункте, приказывал нашей артиллерии направить огонь на этот пункт и ценой своей жизни истреблял десятки и сотни ненавистных гитлеровцев.

„Победа или смерть“ — этот ленинский лозунг прочно вошел в плоть и кровь наших советских гвардейцев. Вечно будет жить в памяти народной бессмертный подвиг двадцати восьми гвардейцев части генерал-майора Панфилова. Среди них были русские, украинцы, казахи — живое олицетворение ленинско-сталинской дружбы народов СССР. В один из самых грозных моментов вражеского наступления на Москву эти двадцать восемь героев занимали рубеж, на который двинулись десятки немецких танков. Гвардейцы не дрогнули, не отступили ни на шаг. Все они пали смертью героев, уничтожив 18 танков и удержав немцев до подхода подкреплений, которые отбили атаку врага и отбросили его.

В своем докладе на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 г., говоря о высоком моральном облике Красной Армии, Ленин указывал: „... морально,— не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах,— мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз“. И действительно, Красная Армия как в суровые годы гражданской войны, так и сейчас в дни великой Отечественной войны показывает всему миру образцы своей моральной силы. Моральная стойкость бойцов нашей доблестной Красной Армии вызывает недоумение у врагов и восхищение всего советского народа, всего прогрессивного человечества.

О героизме наших советских людей на фронте и в тылу в период великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков написано много. Этот героизм не только возрождает классические примеры героизма и отваги, проявленные лучшими людьми в истории человечества, но и дает их в приумноженном виде. Героизм у нас стал массовым явлением. Самое замечательное состоит в том, что подвиги мужественных людей на фронте и в тылу не остаются единичными, а немедленно рождают живой отклик в массах, рождают новых и новых последователей, подражателей. Если можно так выразиться, самый воздух нашей жизни и борьбы насыщен героизмом.

Презрение к смерти во имя победы над врагом рождает беспримерную самоотверженность и массовый героизм.

Пламенная любовь советских людей к родине неотделима от непримиримой ненависти к врагу — подлому, поганому, вызывающему глубочайшее презрение и отвращение.

„То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть“,— писал Некрасов.

„Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить“,— писал Максим

Горький. Слова эти, сказанные давно, с особой силой звучат сейчас. Ненависть, испепеляющая ненависть к немецким убийцам и насильникам горит в сердце каждого советского человека. Гитлеровское зверье пытается унизить достоинство русского народа, осквернить его честь, запугать его — в ответ поганая фашистская немчура получает презрение и ненависть, ненависть и презрение.

Единый и сплоченный многомиллионный советский народ дает и будет давать фронту лучших своих сынов, горящих священной ненавистью к фашистским извергам, готовых биться с врагом до последней капли крови, до полного разгрома немецко-фашистских войск.

Крепость нашего тыла и растущая сила нашего фронта опираются на прочность советской системы, на морально-политическое единство советского общества.

В ходе войны еще больше укрепилась основа советской власти — союз рабочих и крестьян. Не жалея своих сил и крови, рабочие и крестьяне рука об руку ведут героическую борьбу на фронте против гитлеровских банд. Рабочие на заводах и фабриках, крестьяне в колхозах, напрягая все силы и умение, самоотверженно трудятся, преследуя одну и ту же цель — помощь фронту, обеспечение фронта всем необходимым для борьбы с врагом.

Победа в этой войне требует усилий всего народа. Кто не призван на военный фронт, тот должен с самоотверженностью бойца действовать на трудовом фронте. Каждый трудящийся должен удвоить, утроить свою энергию, повысить темп работы, чтобы усилить мощь нашей родины и приблизить час победы над врагом.

Ленин писал:

„Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда".

* * *

Омская область, как и все остальные области великого Советского Союза, участвовала в общей борьбе за социализм и имеет свою славную историю.

Большим недостатком нашей агитационно-пропагандистской работы является ее оторванность от истории области, района, от их революционных традиций.

При изучении истории революционной борьбы советского народа у каждого патриота нашей родины проявляется интерес к тому, какую же роль в общей борьбе занимали его область, его район. Естественна гордость боевыми революционными традициями прошлого своего района, города. Она поднимает патриотический дух в борьбе с врагом в настоящем.

Брошюра т. Фабричного кладет начало освещению боевых традиций омских большевиков в борьбе за власть Советов 25 лет назад в Омске.

В Омской области власть перешла в руки Советов в декабре 1917 г.

Октябрьская революция в Сибири проходила в своеобразных условиях. Сибирь и ее составная часть — Омская область представляли собой заброшенную окраину России с небольшим количеством рабочих и довольно многочисленным слоем зажиточного крестьянства.

На территории, занимаемой ныне Омской областью, в 1917 г. насчитывалось, по неполным данным, всего лишь 12 тысяч рабочих. Наиболее революционно были настроены рабочие депо, железнодорожных мастерских Омска, Тюмени, Ишима и небольших заводов Рандрупа и др. Отсутствие крупных промышленных центров в Омской области, разбросанность небольших групп рабочих по предприятиям, существование объединенных социал-демократических комитетов большевиков и меньшевиков до сентября 1917 г.— во многом объясняют относительную слабость рабочего движения в Омской области и взятие власти Советами только в декабре 1917 г.

Омская область в прошлом была местом каторги и ссылки. По Омской области проходила дорога „Владимирка", оглашавшаяся кандальным звоном и стоном арестантов от Тюмени до Омска. В омской каторжной тюрьме более трех лет содержался в заключении известный русский писатель Ф. М. Достоевский, описавший эти дни в „Записках из мертвого дома". В тобольскую тюрьму был заточен великий русский ученый и революционер-демократ Н. Г. Чернышевский.

На территории Омской области царили произвол и беспощадное угнетение русских и особенно коренных национальностей Севера купцами, кулаками и местными сатрапами. Октябрьская революция освободила трудящихся от произвола, кабалы, угнетения.

За 25 лет Советской власти Омская область из места каторги и ссылки превратилась под руководством партии Ленина — Сталина в область крупнейшего механизированного социалистического сельского хозяйства, с быстро растущей социалистической индустрией и социалистической культурой.

Омск является теперь крупнейшим центром сельскохозяйственного машиностроения, автомобильной промышленности и транспортного машиностроения.

До Октябрьской революции в Омске не было ни одного вуза — теперь мы имеем семь высших учебных заведений и до десятка разных научно-исследовательских институтов, большую сеть средних школ. Это яркий показатель роста экономики и культуры Омской области за годы Советской власти.

Трудящиеся Омской области под руководством большевистской партии и Советов напрягают все силы для помощи фронту, для разгрома врага.

Брошюра т. Фабричного знакомит читателя с историей борьбы за власть Советов в Омске.

Несмотря на малочисленность, большевистская организация руководила в 1917—1918 гг. всей борьбой омских рабочих. Омские большевики разгромили всякие попытки протащить враждебные буржуазные идеи „областничества".

Разоблачая соглашательскую, предательскую политику засевших в Советах меньшевиков и эсеров, омские большевики успешно вели борьбу за отвоевание масс на свою сторону.

Председатель общегородского комитета большевистской партии т. Лобков совместно с тт. Осипом Хотеенковым, Стивой Дорониной и группой большевиков-рабочих развернули широкую агитацию в городе Омске за большевистские Советы и обеспечили на выборах победу большевикам. Они получили на выборах в Советы $^4/_5$ голосов. 30 ноября 1917 г. был избран исполнительный комитет Совета, куда вошли в подавляющем большинстве большевики. 2 декабря в Омске открылся 3-й Западно-сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Более 65 процентов делегатов съезда были большевики. Съезд принял резолюцию о готовности всеми силами поддерживать рабоче-крестьянское правительство—Совет Народных Комиссаров.

В результате острой политической борьбы омским большевикам удалось изгнать из Советов меньшевиков и эсеров и поставить у руководства Советами партийных и непартийных большевиков, пользовавшихся безраздельным авторитетом среди трудящихся.

Взяв власть в свои руки, Омский совет рабочих и солдатских депутатов послал своих комиссаров в правительственные учреждения и прежде всего в банк и казначейство. Служащие казначейства организовали саботаж, после чего зачинщики саботажа были арестованы. Председатель первого Омского совета Косарев В. М. в своих воспоминаниях рассказывает о том, какой бой пришлось выдержать с саботажниками, которые объявляли забастовки и устраивали антисоветские демонстрации.

Опираясь на большинство омского пролетариата и солдат гарнизона, Омский большевистский Совет сорвал организованную меньшевиками и эсерами забастовку, сломил саботаж служащих и чиновников и утвердил власть Советов.

Наряду с задачами советского строительства перед омскими большевиками стояла задача защиты Советской власти с оружием в руках.

Общегородской комитет создает штаб Красной гвардии и выносит решение об организации партизанских отрядов. Партийное собрание Правобережного района призвало всех коммунистов вступить в ряды Красной гвардии. Нередко почти вся организация переводилась на казарменное положение.

В ожесточенных боях под Марьяновкой с белогвардейцами, чехословаками росла и закалялась армия коммунистов-сибиряков, красногвардейцев.

Сражаясь в рядах Красной гвардии и в партизанских отрядах против колчаковщины и иностранной интервенции, омские партийные и непартийные большевики ускорили разгром врагов Советской власти и расчистили пути для свободного развития советской социалистической Сибири. Они являются славными предшественниками сибиряков, героически борющихся на фронтах великой Отечественной войны против гитлеровской Германии.

Большевики Омска с честью выполнили свой долг перед рабочим классом страны Советов. Они находились все время на передовых позициях под огнем врага. Их подвергали жесточайшим пыткам, гноили в тюрьмах, избивали шомполами и расстреливали, но ничто не могло сломить их дух, ничто не могло заставить их сдаться, сложить оружие.

Омские большевики, как и все члены партии, были плоть от плоти рабочего класса, были теми, про кого сказал товарищ Сталин: „Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий".

Великая партия Ленина — Сталина, руководившая борьбой рабочих и крестьян, разгромила всех врагов Советской власти. На территории Сибири 25 лет развевается красное знамя Советов.

„Первый раз в мире, — говорил Ленин,— власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовую организацию Советы и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как не клевещут на Россию представители буржуазии... везде в мире слово „Совет" стало не только популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему Советская власть, каковы бы не были преследования сторонников коммунизма в разных странах, Советская власть неминуемо, неизбежно и в недалеком будущем победит во всем мире"

Е. М. ТЕТЕРЕВ

ОМСК КАК ЦЕНТР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Омск с первых лет своего существования как крепости, т. е. с начала XVIII века, стал военным центром по управлению крепостями, расположенными по р. Иртышу и по Ишимской линии. Впоследствии военное значение Омска усилилось, но торгового значения Омск не имел. Даже через 150 лет после своего основания, в 70—80 годах XIX века, когда Омск являлся уже административным центром всей Западной Сибири, роль его в обширной торговле края была чрезвычайно мала.

„Местность, на которой стоит город (Омск.— *А. Ф.*),— пишет Т. Н. Потанин,— действительно, центральная для Западной Сибири... Для торговли, однако, это положение не имеет значения; большой сибирский тракт проходит в 50 верстах севернее города, не оказывая на него ни малейшего влияния. Торговые пути из Киргизской степи направляются поперек реки Иртыша, а не вдоль, и на Омск направляется из степи самый неважный товар“ [1].

С проведением в 1896 г. Западно-сибирской железной дороги товарный оборот Омска увеличивается, однако в торговле Западной Сибири он продолжает еще занимать незначительное место. Об этом можно судить уже потому, что в списке 19 населенных пунктов Западной Сибири, расположенных по числу торговых оборотов в 1898 г., начиная от Томска и кончая Кузнецком, Омск не значится[2]. Но с начала XX века Омск превращается в складочный пункт для европейских товаров, провозимых в Сибирь, и ведет большую торговлю маслом, скотом и сельскохозяйственными орудиями. С этого времени Омск становится не только военным и административным, но и торговым центром Западной Сибири.

В 1912 г. в Акмолинской области* числилось 4 508 торговых

---

[1] *Т. Н. Потанин*, Сибирские казаки, „Живописная Россия“ под общей редакцией П. П. Семенова, т. XI „Западная Сибирь“, 1884 г., стр. 115.

[2] „Россия“. Полное географическое описание нашего отечества под редакцией В. П. Семенова Тянь-Шанского, СПБ. 1907 г., стр. 356 — 357.

* Акмолинская область была переименована в Омскую с 28 января 1918 г. по постановлению 3-го Западно-сибирского съезда Советов.

заведений с общим оборотом в 58 737 480 руб., в Омске было 1 038 заведений с оборотом в 23 331 890 руб. По размеру оборотов первое место занимали склады земледельческих орудий. Торговое значение Омска ясно освещается ростом грузооборота железнодорожной станции и речных пристаней. Грузооборот станции Омск в 1912 г. выразился в 18 680 759 пудов, на 1 912 486 пудов больше, чем в 1911 г. Грузооборот Омских пристаней в 1912 г. составил 14 907 886 пудов, дав за 4 года увеличение на 3 674 773 пуда. Быстрое увеличение грузооборота и торговых операций вызвало открытие в Омске биржи и частных коммерческих банков. Учет векселей в восьми кредитных учреждениях города составил в 1912 г. более 10 млн. руб.[1]

С проведением Сибирской железной дороги волна переселенцев из Европейской России в Сибирь, сильно поднявшаяся в голодные 1891 и 1892 гг., непрерывно возрастает, особенно усилившись под влиянием экономического кризиса в России в начале 900-х годов.

Акмолинская область представляла первый этап на пути движения переселенческих масс, и в ней оседало до 30% общего количества переселенцев. В 1908 г. в область прибыло 140 350 душ обоего пола[2].

Значительная часть переселенцев оседала в Омском уезде, крестьянское население которого за 14 лет, с 1900 по 1913, увеличилось более чем в 10 раз (с 13 911 до 160 952 человек)[3].

Город Омск расширяется, обрастает пригородами, но промышленность в нем развивается слабо.

В 1900 г. в Омске насчитывалось всего 109 промышленных предприятий с 886 рабочими, следовательно, на одно предприятие приходилось в среднем 8 рабочих (8,1); к 1914 г. число предприятий в Омске увеличилось до 215, а количество рабочих—до 3 179. Таким образом, на одно предприятие приходилось в среднем 15 рабочих (14,8).

Эти цифры показывают, что промышленные предприятия города были преимущественно мелкие, ремесленного типа. В Омске было всего 5 крупных фабрично-заводских предприятий: плугостроительный завод Рандрупа, суконная фабрика, фабрика веялок, паровая мельница и 4-рамный лесозавод. Кроме того, около 3 тыс. рабочих насчитывал Омский железнодорожный узел[4].

С начала мировой империалистической войны производство омских промышленных предприятий резко падает. Только машиностроительные заводы, получавшие военные заказы, продолжают работать с более или менее достаточной нагрузкой.

---

[1] Акмолинский областной стат. комитет. Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914 г., стр. 42.

[2] Там же, стр. 29.

[3] Статистические сведения Омской городской управы, цит. по рукописи С. И. Кочнева, Омск, Облпартархив, фонд № 19, единица хранения № 1, лист 18.

[4] Сведения о количестве железнодорожных рабочих приблизительны.

Однако и их продукция с 327 тыс. руб. в 1914 г. уменьшается до 250 тыс. руб. в 1915 г.; вся же продукция омской промышленности в денежном выражении снижается на 5 млн. руб. Ряд предприятий химической, пищевкусовой и силикатно-строительной промышленности прекращает свою работу [1].

Таким образом, Омск до Февральской революции не был промышленным городом и имел очень незначительные пролетарские кадры. Но как торговый, военный и административный центр Западной Сибири, ставший с марта 1917 г. и ее политическим центром, Омск должен был сыграть большую роль в организации революционных сил обширного края. Наличие в Омске гарнизона, насчитывавшего до 80 тыс. солдат, еще более усиливало его роль в революционном движении Западной Сибири.

В то же время Западная Сибирь и, в частности, Омск являлись главным источником снабжения хлебом, жирами и мясом пролетарских центров Европейской России. Ленин уделял этому вопросу чрезвычайно большое внимание.

По указанным причинам борьба за власть Советов в Омске имела особое значение для молодой Советской республики, которую буржуазия надеялась „задушить костлявой рукой голода".

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОМСКЕ

О февральских политических забастовках и демонстрациях Омская партийная организация узнала от работников телеграфа и сейчас же начала готовиться к грядущим событиям.

В то время в Омске, как и в других сибирских городах, социал-демократическая организация была еще объединенной, включая большевиков, меньшевиков-интернационалистов и меньшевиков-оборонцев. Но единой партийной организации, связанной партийной дисциплиной, в Омске фактически не было. Партийные собрания часто превращались в дискуссионный клуб. Большевики, бывшие в организации в меньшинстве, сохраняли полную идейную самостоятельность. Среди рабочих они выступали с ленинскими лозунгами. Руководитель омских большевиков, пламенный агитатор 19-летний Лобков разоблачал деятельность военно-промышленного комитета* и на почве агитации против войны создавал большевистские группы рабочих.

---

[1] См. сборник „Историко-экономическая характеристика города Омска на 1 января 1939 г." Омская городская плановая комиссия (цит. по рукописи, стр. 11 — 12).

* Военно-промышленные комитеты были организованы в 1915 г. с целью мобилизации промышленности для материального снабжения армии. Руководство ВПК находилось в руках крупной либеральной буржуазии, которая стремилась политически подчинить себе рабочее движение в России. Рабочие группы ВПК из меньшевиков-оборонцев являлись опорными пунктами соглашательской политики. Большевики использовали ВПК для разоблачения соглашателей.

В целях конспирации Омская социал-демократическая организация была построена из отдельных кружков — „десятков", которые связаны были с комитетом через своих организаторов. В Омских железнодорожных мастерских, где Лобков пользовался большим влиянием, были организованы большевистские „десятки".

Сведения о февральском перевороте были получены в Омске 1 марта (ст. ст.). Партийный комитет немедленно приступил к организации Совета рабочих и солдатских депутатов. К ночи были извещены все товарищи. Каждому было дано задание провести собрание рабочих и выборы депутатов в Совет на определенном предприятии. Первые собрания состоялись в ночные смены[1].

Первого же марта омский генерал-губернатор Сухомлинов заявил, что он „безусловно признает временное правительство в Петрограде", и просил городского голову Галкина „передать населению и общественным организациям просьбу о поддержании и сохранении полного спокойствия в городе, т. е. чтобы не было организовано никаких шествий и демонстраций". Городская дума о заявлении генерал-губернатора с удовлетворением телеграфировала председателю Государственной думы Родзянко[2].

Однако единение представителей стремившейся к власти буржуазии с представителями свергнутого царского правительства в Омске было скоро нарушено, несмотря на благие намерения буржуазных деятелей.

3 марта в 12 часов ночи в первом своем заседании Совет рабочих и военных депутатов (так был назван Совет при его организации) постановил арестовать генерал-губернатора, губернатора и других виднейших представителей старого режима в городе. Для этого были мобилизованы заводские рабочие, которые вместе с солдатами 4 марта на рассвете и произвели необходимые аресты. Одновременно с арестами была разоружена полиция. „Спокойствие" в городе было также нарушено. Вечером 3 марта городское население высыпало на улицы. Были организованы многолюдные митинги, в которых приняли участие гражданское население и солдаты. 4 марта с 7 часов утра началось торжественное шествие по городу войск Омского гарнизона. Население приветствовало войска криками: „Да здравствует народная армия!" В 3 часа дня на дворце генерал-губернатора на место трехцветного флага, снятого еще утром, был поднят красный флаг. Проходившие мимо войска и гражданское население приветствовали поднятие флага криками „ура".

Так прошли в Омске первые два дня Февральской революции.

В первый же день представители омской буржуазии устре-

---

[1] См. „Рабочий путь" от 7 ноября 1927 г.
[2] См. „Омский вестник" от 4 (17) марта 1917 г.

мились к власти. Вечером 1 марта на заседании городской продовольственной комиссии с участием представителей „общественных организаций" было избрано организационное бюро*. На следующий день представители этих организаций решили создать соответствующий орган местной власти на прочной классовой основе. Такой основой, естественно, явилась старая цензовая Городская дума, дума купцов и домовладельцев. Вечером 2 марта на чрезвычайном заседании Городской думы „совместно с представителями всех общественных организаций, учреждений и ведомств", т. е. при активном участии местного чиновничества, был избран коалиционный комитет[1].

В течение марта подобные комитеты под разными названиями — коалиционные, исполнительные, комитеты безопасности и т. д.—стихийно возникали в различных городах и даже в селах Западной Сибири. Дело не обошлось и без курьезов.

„На имя Кокчетавского исполнительного комитета,— рассказывает один из делегатов краевого съезда коалиционных комитетов,— была получена телеграмма от Омского коалиционного комитета. Телеграмма на имя комитета, которого у нас и в помине не было, навела нас на мысль, что его надо организовать. Подумали, поговорили и решили образовать „Кокчетавский исполнительный комитет", куда и водворили телеграмму без адресата".

В некоторых местах появились сразу по нескольку комитетов, и каждый из них претендовал на „власть".

„В Петропавловске,—докладывает другой делегат,— собрались какие-то чиновники и объявили себя уездным комитетом. Приехали крестьяне и выбрали другой комитет, а чиновников по шапке"[2].

Однако стихийный процесс скоро уступил место планомерной организационной работе. В своем стремлении к власти западно-сибирская и прежде всего омская буржуазия обнаружила большую активность. 16 апреля в Омске уже состоялся краевой съезд коалиционных комитетов, в котором приняли участие представители 13 городских и 18 поселковых и волостных комитетов.

В своих воспоминаниях об Октябрьской революции в Сибири Ем. Ярославский отмечает, что организация почти во всех сибирских городах одновременно с Советами рабочих и солдатских депутатов подобного рода комитетов привела к двоевластию—„своего рода провинциальной копии двоевластия в столице"[3].

---

* Продовольственная комиссия, созданная городской управой, включала представителей Военно-промышленного комитета, Союза городов и других организаций, так или иначе связанных с войной.

[1] См. „Омский вестник" от 4 (17) марта 1917 г.

[2] „Омский вестник" от 20 и 21 апреля (3 и 4 мая) 1917 г.

[3] *Ем. Ярославский*, Октябрьская революция в Сибири. „Историк-марксист" № 6 (28), 1932 г.

Надо сказать, что такое двоевластие создалось в марте 1917 г. почти во всех городах России. Эсеро-меньшевистские руководители провинциальных советов рабочих и солдатских депутатов, как и их столичные собратья, всюду „сдали власть буржуазии"[1].

В Омске Совет рабочих и солдатских депутатов был организован 3 марта.

Точных сведений о составе первого Омского совета рабочих и военных депутатов у нас нет. Известно лишь, что большевиков в нем было очень мало и что руководящая роль в нем принадлежала меньшевикам-интернационалистам.

12 марта Совет вынес постановление:

„Признать, что единственным представителем местного пролетариата и вообще трудящихся масс местного населения и армии является Совет рабочих и военных депутатов... Коалиционный же комитет является исполнительным органом Временного правительства..."

Отказавшись от участия в коалиционном комитете, Совет послал туда в целях информации делегатов с правом совещательного голоса[2]. Через три дня Совет уточнил свое решение. В протоколе общего собрания Совета рабочих и военных депутатов читаем:

„Постановлено: Представительство от Совета в коалиционном комитете организуется Исполнительным комитетом. Представительство не должно быть постоянным, а на каждое заседание коалиционного комитета особо избираются делегаты с правом совещательного голоса. Число представителей не ограничивать. В числе представителей должен быть обязательно делегат от Военного отдела"[3].

Последняя оговорка, как вскоре оказалось, была далеко не лишней.

Этим постановлением Омский совет рабочих и военных депутатов занял правильную позицию в отношении коалиционного комитета.

В цитированных нами уже воспоминаниях Ем. Ярославский признает: „Наша ошибка, ошибка большевиков, находившихся в Сибири, заключалась в том, что мы повсюду участвовали в этих организациях" (т. е. в буржуазных комитетах.—*А. Ф.)*.

Омские большевики избежали такой ошибки. Но Омский совет, в котором верховодили меньшевики-интернационалисты, недолго удержался на правильной позиции. Меньшевики-интернационалисты, лавируя между большевиками и оборонцами, на деле прикрывали соглашательскую политику революционной фразой. Колебания влево у них всегда уравновешивались сдвигом вправо.

---

[1] См. „Историю ВКП(б). Краткий курс", стр. 171.

[2] См. „Омский вестник" от 16 (29) марта 1917 г.

[3] Протокол № 7 общего собрания Совета рабочих и военных депутатов от 15 марта 1917 г. Гос. архив Омской области, ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 7.

В протоколе общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов от 10 июня 1917 г. записано:

„Слушали... 3. О коалиционном комитете: а) Необходимо ли существование коалиционного комитета в его настоящем виде, б) Необходим ли коалиционный комитет вообще... Постановили: Ввиду того, что функции коалиционного комитета, как органа правительственной власти, выполняются Областным комиссаром Временного правительства, дальнейшее существование коалиционного комитета в его настоящем виде и в о о б щ е признать ненужным (разрядка наша.—*А. Ф.*). При комиссаре же Временного правительства образовать комиссариат из представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов, казачьих и киргизских депутатов и представителей социалистических партий“[1].

Это было 10 июня, а через 20 дней на общем собрании Омского совета Р. и С. Д. по докладу меньшевика-оборонца Гладышева о реорганизованном коалиционном комитете было принято такое постановление:

„Подтвердить, что коалиционный комитет не есть исполнительная власть в области, а лишь орган, контролирующий действия комиссаров Временного правительства и содействующий им в проведении в жизнь мероприятий, исходящих от Временного правительства или выдвигаемых местными условиями“[2].

В этот реорганизованный коалиционный комитет были избраны члены от Совета на этот раз уже с решающим голосом и в числе их лидер омских меньшевиков-интернационалистов К. А. Попов*. В то же время в „реорганизованном“ комитете остались представители „Единства“, энесов, кадетов и три представителя „торгово-промышленного класса“. Таким образом, Омский меньшевистско-эсеровский совет при активном участии „интернационалистов“ заключил союз с омской буржуазией и вместе с ней взял на себя функции органа, содействующего Временному правительству и его комиссарам.

Между тем характер деятельности коалиционного комитета, его политическая физиономия и его устремления были совершенно ясны с первого же дня его существования. В коалиционном комитете руководящая роль принадлежала махровым представителям местной буржуазии. В состав его были избраны: крупный промышленник В. И. Двинаренко, председатель Омского комитета Всероссийского союза городов и ли-

---

[1] Протокол № 23 общего собрания Совета Р. и С. Д. от 10 июня 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 26, л. 16.

[2] Протокол № 26 областного собрания Омского совета Р. и С. Д. от 1 июля 1917 г. Гос. арх. Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, лл. 28—29. См. также ф. № 661, ед. хран. № 2, л. 42.

* К. А. Попов в 1906 г. был членом Омского большевистского комитета РСДРП и вместе с В. В. Куйбышевым и В. Л. Шанцером („Маратом“) был предан Военно-окружному суду. В период гражданской войны К. А. Попов снова вступил в партию большевиков.

дер омских кадетов присяжный поверенный В. А. Жардецкий, председатель Омского биржевого комитета Н. Л. Буяновский и т. д.

В первом своем заседании коалиционный комитет постановил издать воззвание к населению и войскам гор. Омска в следующей редакции:

„27 февраля Государственная дума взяла власть в свои руки. Волею народа и армии создано новое правительство, которое взяло на себя задачу спасения отечества.

На местах повсюду образуются общественные объединенные комитеты — местные органы нового правительства.

В ночь на 3 марта в Омске на собрании Городской думы и представителей всех общественных организаций образовался такой же временный коалиционный комитет. Комитет призывает население и войска города к подчинению и верности новому правительству..."

Тогда же комитет назначил комиссаров в городскую управу и на правительственный телеграф [1].

Итак, вопрос о власти у господ из коалиционного комитета не вызывал никаких сомнений: Государственная дума — орган центральной власти, буржуазные комитеты—власть на местах. Коалиционный комитет сейчас же показал свои когти. Когда Совет постановил арестовать генерал-губернатора, коалиционный комитет попытался воспротивиться этому. Коалиционный комитет сам поспешил „арестовать" жандармского полковника Кострицина, чинов жандармского и охранного управления и их негласных сотрудников, но... жандармского полковника освободил на поруки сына с предложением выехать из города Омска, а провокаторов также освободил, мотивировав свое решение следующим образом: „Тот строй, который пользовался услугами провокаторов, уничтожен, этим самым уничтожено поприще для провокаторов, и провокаторы больше неопасны"[2].

Господа из коалиционного комитета оказались очень дальновидными. Они прекрасно понимали, что жандармы, шпионы и провокаторы могут еще пригодиться им для борьбы против революции, и решили сохранить их.

Кадетам, конечно, ясно было, что сила Совета, его способность бороться за власть определяются тесным союзом рабочих и солдат. И они с самого начала сделали попытку откололоть войска Омского гарнизона от Совета рабочих депутатов. Коалиционный комитет начал борьбу за армию.

Буржуазная газета „Омский вестник" в номере от 12 марта знакомит читателей со структурой коалиционного комитета, работа которого „начинает приобретать стройный характер". Комитет образовал одиннадцать отделов: 1) политический, зада-

---

[1] Протокол заседания коалиционного комитета от 3 марта 1917 г. Гос. арх. Омской обл., ф. № 661, ед. хран. № 4, л. 12.

[2] По материалам Омского Гос. архива, справочн. фонд, ед. хран. № 31.

чей которого были „охранение государственной безопасности, порядок"; 2) административный; 3) отдел общей информации; 4) культурно-просветительный; 5) отдел продовольствия; 6) отдел торговли и промышленности; 7) финансово-контрольный и хозяйственный; 8) сельскохозяйственный; 9) рабочий; 10) кооперативный отдел и, наконец, 11) военно-казачий.

Этот военно-казачий отдел и вызвал конфликт между Советом и коалиционным комитетом.

17 марта вопрос о „военной деятельности" коалиционного комитета был поставлен на обсуждение военного отдела Совета рабочих и военных депутатов. Выступавшие ораторы жаловались, что постановления военного отдела Совета „или совсем не приводятся в исполнение или настолько искажаются, что отделу от своих постановлений приходится отказываться". Это происходит потому, что постановления отдела после утверждения их Исполнительным комитетом и общим собранием Совета передаются на обсуждение в коалиционный комитет, „где имеется тоже военный отдел, состоящий из трех штатских лиц. Последние, повидимому, имеют смутные представления об условиях жизни военного быта".

Военный отдел Совета постановил: „Предложить коалиционному комитету организовать военный отдел только из состава членов военного отдела Совета рабочих и военных депутатов, которые должны быть только докладчиками, с правом совещательного голоса и к каждому собранию военного отдела дают отчет"[1].

Коалиционный комитет, как видим, благодаря попустительству соглашателей из Омского совета присвоил себе право высшей инстанции в делах Омского гарнизона. Но это покушение на права Совета было решительно пресечено представителями солдат.

На следующий день после упомянутого заседания военного отдела произведена была новая вылазка против Совета со стороны офицеров Омского гарнизона, находившихся в тесном контакте с коалиционным комитетом.

Руководители Омского совета с первых дней революции искали соглашения с офицерством. Они назвали Совет „Советом рабочих и военных (а не солдатских) депутатов", тем самым широко раскрывая двери перед офицерами. Организовав военный отдел, Совет на общем своем собрании 12 марта постановил пополнить состав Исполнительного комитета семью членами от военных: 2 — от офицеров и 5 — от солдат[2].

Но офицеры этим не удовлетворились. 18 марта гарнизонное собрание офицеров выразило пожелание образовать отдельный совет военных депутатов. Призыв офицеров вызвал в Совете рабочих и солдатских депутатов взрыв негодования.

---

[1] „Омский вестник" от 21 марта (3 апреля) 1917 г.
[2] См. „Омский вестник" от 16 (29) марта 1917 г.

Общее собрание Совета признало офицерское выступление „вредным и дезорганизующим". Совет потребовал, чтобы коалиционный комитет принял меры против агитации среди солдат Омского гарнизона за образование самостоятельного совета военных депутатов и предложил командующему войсками Омского военного округа эту резолюцию Совета рабочих и военных депутатов объявить в приказе по войскам Омского гарнизона.

Резолюция военного отдела Совета составлена в еще более резких тонах. Военный отдел обратился к коалиционному комитету с категорическим требованием удалить из своего состава организаторов выступления офицеров, ведущих агитацию среди местного гарнизона против Омского совета[1].

Характерно, что газета „Омский вестник", помещая указанные резолюции, называет Омский совет „советом солдатских и рабочих депутатов"[2].

Вопрос об отношениях между солдатами и рабочими был поставлен и на солдатском гарнизонном собрании, которое единогласно постановило:

„Деятельность военного отдела Совета рабочих и военных депутатов считать правильной и отвечающей интересам солдат Омского гарнизона в их борьбе за новую жизнь и за демократическую республику, и пожелание офицеров Омского гарнизона об отделении военного отдела от Совета рабочих и военных депутатов признать дезорганизующим"[3].

Вскоре после этого полная солидарность солдат с рабочими и неразрывная связь между ними в борьбе против контрреволюции были продемонстрированы на общем собрании всех полковых, дружинных, ротных и других местных войсковых комитетов Омского гарнизона.

Представители солдат единодушно высказались за немедленное введение в промышленности 8-часового рабочего дня. Они признали, что этому противодействуют только враги свободной России, и заклеймили кампанию буржуазной прессы против стремления рабочих улучшить условия труда как злостную провокацию, как измену делу свободы[4].

Первая атака на Омский совет рабочих и солдатских депутатов была отбита. Попутно во взаимоотношения Совета с его военным отделом была внесена бо́льшая ясность. В процессе борьбы с коалиционным комитетом тенденция к самостийности, которая до этого замечалась у военного отдела, была преодолена. В том же заседании военного отдела, где была принята резолюция протеста против „военной деятельности" коалиционного комитета и где раздавались жалобы, что отдел несамостоятелен, что его постановления „фильтру-

---

[1] См. „Омский вестник" от 22 марта (4 апреля) 1917 г.
[2] См. там же.
[3] „Омский вестник" от 24 марта (6 апреля) 1917 г.
[4] См. „Революционную мысль" от 29 апреля (12 мая) 1917 г.

ются" в Совете, было признано, что „военный отдел составляет часть неотъемлемую Совета рабочих и военных депутатов, как армия есть неотъемлемая часть революционного народа", что вопросы общеполитические разрешаются окончательно в общем собрании Совета и что военный отдел самостоятельно решает лишь вопросы внутреннего и хозяйственного распорядка в войсках[1].

В борьбе омской буржуазии против Совета рабочих и солдатских депутатов одним из опорных пунктов ее должна была явиться Городская дума.

По царским законам избирательное право в городские думы принадлежало только владельцам городских земель и владельцам торгово-промышленных предприятий. Их представители — гласные Думы ведали городским хозяйством, расходовали собранные со всего городского населения средства и зорко блюли интересы городской буржуазии. Водопровод и канализация, освещение и вообще все, что связано с городским благоустройством, предоставлялось только состоятельным людям — жителям центральной части города; рабочие окраины тонули в грязи, жилища рабочих находились в крайне антисанитарных условиях, являлись рассадниками туберкулеза и эпидемических заболеваний.

По своей классовой природе Городская дума должна была сразу стать во враждебные отношения к Совету рабочих и солдатских депутатов. Сначала она решила с ним просто не считаться, и первое ходатайство Совета о предоставлении в его распоряжение городского театра Дума отклонила без всяких объяснений[2].

Вскоре, однако, господам гласным пришлось потесниться. 19 марта Совет постановил принять участие в Городской думе, пополнив ее состав 40 гласными от Совета рабочих и военных депутатов. Рабочая группа должна была участвовать в повседневной работе Думы. Основной же ее задачей Совет считал скорейшую организацию выборов в демократическую Думу на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования[3].

В период подготовки Октябрьской социалистической революции в столице и в ряде провинциальных городов большевики с успехом использовали городские думы как агитационные трибуны, как организационные центры для объединения вокруг рабочего класса городской бедноты. Но омские большевики это сделать не могли. Работа среди рабочих и солдатских масс поглощала все силы небольшой большевистской группы, и она не в состоянии была принять активное участие в городском самоуправлении. Этим воспользовались эсеры и меньшевики.

---

[1] См. „Омский вестник" от 21 марта (3 апреля) 1917 г.

[2] См. там же.

[3] См. протокол № 8 общего собрания Омского совета Р. и В. Д. от 19 марта 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 6, л. 3.

Они превратили Городскую думу в орудие борьбы против большевиков.

После взятия Омским советом власти в свои руки Городская дума стала открыто на путь контрреволюции; она бесславно кончила свое существование, не выполнив даже тех скромных требований, которые предъявляла к ней мелкая буржуазия. Совет рабочих и солдатских депутатов и его представительство в Думе не сумели организовать выборы в новую Думу на основе всеобщего голосования: в выборах в Городскую думу приняла участие всего одна треть избирателей[1].

Омские рабочие и солдаты в первые месяцы Февральской революции верили своему Совету, готовы были итти за ним и в борьбе с буржуазией поддержать его всеми силами. Но руководители Совета в лице меньшевиков-интернационалистов не собирались обострять свои отношения с омской буржуазией. В столкновениях с буржуазными организациями они быстро сдавали свои позиции, прикрывая соглашательство революционной фразой.

Оппортунистическая позиция Совета ярко освещается резолюциями его о войне и об отношении к Временному правительству.

Вопрос о войне и мире был поставлен на общем собрании Совета 22 марта. Прения продолжались 8 часов. Было предложено 7 проектов резолюции. В результате подавляющим большинством была принята с различными оговорками резолюция оборонцев.

Устанавливая необходимость „прочного международного мира на началах независимости всех... стран и свободного самоопределения народностей", констатируя „завоевательные стремления экономически и политически господствующих классов" обеих воюющих сторон, Совет признает необходимость продолжения Россией войны[2].

Став на такую позицию, Совет, конечно, принял участие в распространении „займа свободы", постановив:

„Заем свободы поддержать и принять активное участие в празднестве дня займа свободы"[3].

Расстрел июльской демонстрации петроградских рабочих и солдат реакционными войсками Временного правительства и предательство меньшевиков и эсеров, обрушившихся в союзе с буржуазией и белогвардейскими генералами на большевистскую партию,—все это должно было заставить Омский совет четко определить свою позицию, сделать решительный выбор между лагерем революции и контрреволюции. Но примиренцы из Исполнительного комитета попытались усесться между двух стульев.

---

[1] См. „Омский вестник" от 18 (31) июля 1917 г.

[2] См. „Омский вестник" от 24 марта 1917 г.

[3] Протокол № 24 общего собрания Совета Р. и С. Д. от 17 июня 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 24.

С одной стороны, заявляет Совет в своей резолюции по поводу июльских событий в Петрограде, естественно „проявление недовольства значительных кругов петроградских рабочих и солдат, направленного против затяжного характера войны... против капиталистической буржуазии, бойкотирующей революцию, и против представителей этой буржуазии во Временном правительстве"; с другой стороны, Совет считает „вооруженный характер" выступления недопустимым. При этом, вопреки факту мирного характера, который приняла стихийная демонстрация благодаря участию в ней большевистской партии, Омский совет повторяет буржуазную клевету, будто демонстрация попала под влияние анархических и даже явно контрреволюционных элементов. В заключение Совет находит, что необходимо отказаться от репрессивных мер и реорганизовать власть, создав „однородное по составу, представляющее большинство революционной демократии правительство".

С таким призывом Омский совет обращается к центральным органам Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в руках которых, по мнению омских меньшевиков-интернационалистов, „сосредоточена фактически в настоящее время центральная власть"[1].

Эта резолюция была вынесена в переломный момент Февральской революции, когда „...Кончилось двоевластие.

Кончилось в пользу буржуазии, ибо вся власть перешла в руки Временного правительства, а Советы с их эсеро-меньшевистским руководством превратились в придаток Временного правительства.

Кончился мирный период революции, ибо в порядок дня был поставлен штык"[2].

Разгром корниловщины нанес решительный удар соглашательской политике. Рабочие массы поняли, что меньшевики и эсеры находятся в плену у буржуазии и объективно содействуют ее контрреволюционным замыслам.

„Борьба с корниловщиной оживила захиревшие было Советы рабочих и солдатских депутатов, освободила их из плена соглашательской политики, вывела их на широкую дорогу революционной борьбы и повернула их в сторону большевистской партии"[3].

Омский совет в резолюции своей от 2 сентября 1917 г. разоблачает контрреволюционную роль буржуазно-кадетских слоев, правильно оценивает значение Советов в деле организации отпора контрреволюции, подчеркивает недопустимость соглашательства с буржуазией, говорит о том, что „в настоящий критический момент революции" власть должна опираться на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

---

[1] Протокол № 28 экстренного общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 2 августа 1917 г. Гос. арх. Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, лл. 34, 35.
[2] „История ВКП(б). Краткий курс", стр. 187.
[3] Там же, стр. 193.

Но в то же время „интернационалисты“ из Омского совета не находят в себе силы для того, чтобы разоблачить соглашательскую политику меньшевиков-оборонцев и эсеров[1].

ЗАВОЕВАНИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ РАБОЧИХ МАСС ОМСКА

Когда социал-демократическая организация в марте 1917 г. вышла из подполья, большевики стали усиленно развивать свою агитационную деятельность. Они распространяли в рабочих массах газету „Правда“ и журнал „Спартак“, вели агитацию против войны, разоблачали политику Временного правительства и организовывали большевистские ячейки на предприятиях. Ближайшим помощником т. Лобкова в этом деле был Владимир Горшков. Укрепляя свои ряды, большевики уверенно шли к расколу социал-демократической организации, чтобы избавиться от всех соглашателей.

Центром деятельности большевиков явился прежде всего Железнодорожный район. Правобережный районный партийный комитет, товарищем председателя которого был избран Лобков, фактически руководивший комитетом, оказался в руках большевиков. На заседаниях районного комитета ставились вопросы об отношении к войне и к „займу свободы“, о группах содействия военной организации. Но в общегородском партийном комитете верховодили меньшевики-интернационалисты с К. А. Поповым во главе.

Чтобы установить более тесную связь с рабочими массами, в Правобережном районе были созданы подрайоны. Завод Терехова с 300 рабочих и завод Рандрупа с 120 рабочими составляли самостоятельные подрайоны, мелкие мастерские группировались в подрайоны по территориальному признаку, по 100—200 рабочих в подрайоне, который был поручен ответственному организатору. Товарищи, вошедшие в комитет, или „коллектив“, как они его называли, Правобережного района, уже к первому заседанию комитета установили связи почти со всеми промышленными предприятиями района, а также с типографией военного штаба, школой саперов, артиллерийской мастерской и с 19-м полком, где была организована партийная ячейка в составе 28 человек[2].

Работа большевиков во всех районах встречала большие трудности. Помимо общих условий, вызывавших непосредственно после Февральской революции доверчивое отношение народных масс к политике Временного правительства[3],

---

[1] См. протокол № 31 общего собрания Совета Р. и С. Д. от 2 сентября 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 38.

[2] См. протоколы заседаний коллектива (комитета) Правобережного района Омской организации РСДРП от 30/III, 3/IV, 20/IV и 31/V 1917 г. Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 175.

[3] См. „Историю ВКП(б). Краткий курс“, стр. 175.

в Омске существовали еще особые условия, благоприятствовавшие деятельности соглашателей в рабочей среде.

Крупных промышленных предприятий, как мы видели, в Омске было мало. Большинство промышленных заведений города составляли ремесленные мастерские. Рабочие таких предприятий представляли для меньшевиков наиболее благодарную аудиторию.

„Очевидно,—указывал товарищ Сталин...— тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм—это тактика настоящих пролетариев. С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм—это тактика полубуржуазных элементов пролетариата“[1].

Омск до февраля 1917 г. и в первые месяцы Февральской революции являлся районом преимущественно меньшевистской тактики, и омским большевикам пришлось затратить огромные усилия, чтобы завоевать рабочих мелких предприятий.

Работа большевиков в профсоюзах и руководство экономической борьбой рабочих имели чрезвычайно важное значение для завоевания и боевого воспитания рабочих масс.

После Февральской революции профсоюзы в Омске создавались чисто стихийно.

Одни союзы строились по производственному принципу, другие по цеховому. Рабочие и служащие одной и той же профессии иногда распределялись по разным союзам по совершенно случайному признаку. В других случаях союзы объединяли работников различных профессий, не связанных между собой ни в каком отношении, как, например, союз курьеров, почтальонов, разносчиков газет и т. д. Появился даже „профсоюз“, объединявший рабочих с хозяевами (союз извозчиков).

Конечно, были в Омске и хорошо организованные, мощные профсоюзы. Так, металлисты создали свой профсоюз на основе ранее созданных заводских комитетов. Союз печатников охватил все типографии и везде организовал рабочие комитеты и оценочные комиссии. Союз торгово-промышленных служащих имел 25 местных комитетов и за два месяца объединил до 3 тыс. членов. Но вообще профсоюзная организация в Омске была слаба и не могла обеспечить руководство экономической борьбой рабочих[2].

---

[1] Цит. по „Истории ВКП(б). Краткий курс“, стр. 87.

[2] Сведения об омских профсоюзах взяты из материалов Истпрофа Омского окрпрофсовета.

Омские большевики приняли активное участие в профсоюзной работе и ряд профсоюзов подчинили своему влиянию. Большевики руководили забастовками рабочих. Борьба за 8-часовой рабочий день проходила под их непосредственным руководством.

Требование о введении 8-часового рабочего дня пролетариат Омска выдвинул вскоре после февральского переворота. Предприниматели ответили решительным отказом. 20 марта вопрос этот обсуждался в отделе труда Совета Р. и В. Д. Дело попало в руки меньшевиков-оборонцев. Они начали с того, что попытались помешать развитию революционной самодеятельности рабочих. Совет обратился к рабочим с призывом воздержаться от самостоятельных выступлений и начал мирные переговоры с предпринимателями. Переговоры вылились в бесконечный торг, причем заводчики и фабриканты выступили единым фронтом, противопоставив Совету рабочих и военных депутатов „Общее собрание предпринимателей г. Омска".

Хозяева решительно возражали против введения 8-часового рабочего дня, соглашаясь лишь на 9-часовой рабочий день, сверхурочные работы они согласны были оплачивать только по нормальной расценке. При этом представитель хозяев— заводчик Терехов заявил, что „промышленникам нужно, чтобы их предприятия давали им доход, из-за одних прекрасных глаз промышленники работать не будут"[1].

При таком положении дел у рабочих оставалось лишь одно средство воздействия на хозяев — забастовка. Угроза забастовки побудила Биржевой комитет обратиться к предпринимателям с „убедительной просьбой принять выработанные... Советом Р. и В. Д. условия введения... 8-часового рабочего дня... с обязательными для хозяев и рабочих сверхурочными работами, с оплатой последних по полуторной, а в праздничные дни по двойной расценке"[2].

Под угрозой забастовки предприниматели эти условия приняли.

8-часовой рабочий день был введен на большинстве предприятий города. Однако постановление Совета Р. и В. Д. об обязательных сверхурочных работах в ряде отраслей промышленности сводило на-нет сокращение рабочего дня и привело лишь к некоторому повышению заработной платы.

Надо иметь в виду, что заработная плата рабочих в Омске была чрезвычайно низка[3]. В июле 1917 г. средний заработок квалифицированного рабочего составлял 3 р. 32 к. в день, а чернорабочего—1 р. 54 к. Заработная плата женщин снижалась

---

[1] Протокол № 11 общего собрания Совета Р. и В. Д. от 4 апреля 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 13.

[2] „Омский вестник" от 11 (24) апреля 1917 г.

[3] См. „Известия Совета Р. и С. Д." от 1 августа 1917 г.

до 1 р. 20 к. Февральская революция не привела к повышению заработной платы. Напротив, в своем реальном выражении заработная плата неуклонно падала из-за растущей дороговизны.

Конфликты между рабочими и предпринимателями на экономической почве все учащались, и Омский совет для улаживания конфликтов создал примирительные камеры. Но предприниматели решениям примирительных камер обычно не подчинялись и даже не выполняли принятых на себя обязательств. Отказ повышать заработную плату рабочим они мотивировали грозящими им убытками и взывали к „патриотизму" рабочих. Об источниках „патриотизма" предпринимателей может дать некоторое представление справка, оглашенная в заседании Городской думы. Военно-промышленный комитет, используя государственные средства и охраняя интересы крупных предпринимателей, наживал на продаже мыла от 75 до 100%, а на продаже товаров с одного из секвестрованных складов — 150%.

И этот военно-промышленный комитет категорически отказал рабочим своей кошмокатной мастерской в повышении заработной платы[1].

Единственным оружием в руках омских рабочих в борьбе за повышение заработной платы была опять-таки забастовка. Забастовки охватили значительное количество предприятий. Самой боевой забастовкой в Омске в 1917 г., проходившей под непосредственным руководством большевиков, была забастовка металлистов.

Конфликты у рабочих-металлистов с предпринимателями начались еще до Февральской революции и с первых дней революции обострились, так как крупный заводчик Терехов, тот самый, который не хотел согласиться на уменьшение прибыли „ради прекрасных глаз рабочих", в январе 1917 г. пошел на уступки рабочим, а после Февральской революции возглавил наступление омских предпринимателей на рабочий класс. Переговоры профсоюза металлистов с хозяевами затянулись. Три месяца работала согласительная комиссия и не добилась никакого результата.

Наконец, 1 октября была объявлена забастовка, охватившая все предприятия металлообрабатывающей промышленности Омска.

Стачечный комитет, которым руководили большевики, выставил следующие требования:

Неуклонное проведение на всех предприятиях 8-часового рабочего дня, признание фабрично-заводских комитетов „как постоянно действующего органа контроля по охране предприятия и хода работ на нем", с признанием за ними права контроля действий администрации по производству, прием и увольн-

---

1 См. „Сибирскую речь" от 14 октября 1917 г.

нение рабочих и служащих только с согласия на то заводского комитета, организация примирительных камер[1].

Металлистов поддержали и другие профсоюзы. Надвигалась всеобщая забастовка. Тогда предприниматели сдались и приняли большую часть требований рабочих.

Но это произошло уже 10 ноября, когда омский пролетариат под руководством большевистской партии готовился взять власть в свои руки.

О забастовке на Омской железной дороге или, точнее, об участии омских железнодорожников во всероссийской железнодорожной забастовке, объявленной Центральным исполнительным комитетом Всероссийского железнодорожного союза, мы располагаем лишь выписками из омских газет.

Причиной забастовки явился отказ Временного правительства удовлетворить скромные требования Всероссийского железнодорожного съезда.

Требования об улучшении материального положения рабочих и служащих железных дорог были настолько скромны, что даже матерые соглашатели из Омской городской думы признали их справедливыми.

Руководство забастовкой и в центре и в Омске оказалось в руках оппортунистов.

Центральный комитет железнодорожников, предъявив „ультиматум" Временному правительству, сделал все от него зависящее, чтобы ослабить действие забастовки, которая пугала его самого.

„По слухам,—сообщает „Сибирская речь",—Центральный комитет в Москве поставлен в самое критическое положение, так как он будто бы приступил к организации забастовки под сильным влиянием служащих Петроградского и Московского узлов, не сочувствуя ей"[2].

Эти слухи были вполне достоверны. Сам Центральный исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного союза (ВИКЖЕЛЬ) в телеграмме местным комитетам мотивировал свое решение взять на себя руководство забастовкой тем, что забастовочное движение без его ведома и против его воли уже началось на местах[3]. Для оборонцев, руководивших в то время ВИКЖЕЛем, такое поведение было, конечно, вполне естественным.

Главный комитет Омской дороги объявил себя главным стачечным комитетом и начал действовать в том же направлении, что и заправилы железнодорожного союза.

Взяв на себя „тяжелую обязанность стоять на страже интересов железнодорожников", он больше всего, очевидно, опасался рабочих железнодорожных мастерских и меньше всего хотел развития забастовки.

---

[1] См. „Дело Сибири" от 10 октября 1917 г.
[2] „Сибирская речь" от 23 сентября 1917 г.
[3] См. там же.

Он обещал „исчерпать все способы избежать забастовочного движения“ и призывал служащих и рабочих дороги соблюдать полное спокойствие. „Не возбуждайте,—писал он в своем воззвании,—окружающего населения, ибо это может угрожать даже избиением железнодорожников населением и воинскими частями“[1].

Железнодорожная забастовка, которая должна была приостановить сначала только пассажирское движение, вызвала переполох в Омске. Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к Центральному исполнительному комитету Советов с просьбой оказать воздействие на Временное правительство и побудить его удовлетворить требования железнодорожников[2]. Городская дума признала забастовку недопустимой и призвала обе стороны ее ликвидировать[3]. Всполошился и заседавший в то время в Омске войсковой круг (съезд) сибирского казачьего войска.

Железнодорожная забастовка особых практических результатов для железнодорожников не имела. Она закончилась как будто бы „победой“. Временное правительство согласилось на прибавки железнодорожникам и издало соответствующий декрет, но декрет этот, установивший ничтожные прибавки, породил массу недоразумений. Некоторые категории работников вместо прибавки „получили убавку“, как говорили железнодорожники[4].

Политическое значение железнодорожной забастовки было чрезвычайно велико. Она разоблачила соглашателей из железнодорожных комитетов, она содействовала прояснению классового сознания железнодорожных рабочих, она показала им, что только большевики являются истинными защитниками их интересов.

Семнадцатого октября состоялось объединенное собрание железнодорожных служащих и рабочих по вопросу о применении декрета Временного правительства о прибавках. Представитель мастерских потребовал включить в повестку заседания вопрос „о неприменимости самого декрета, как не удовлетворяющего требований и нужд рабочего класса“. Собрание сначала отказалось это сделать, затем под давлением рабочих вопрос этот начало обсуждать, но когда страсти разгорелись, вопрос с обсуждения сняло.

„Рабочие из мастерских после голосования покинули собрание, называя управленцев „манишниками“, буржуями и т. п.“[5].

К осени 1917 г. в настроениях омских рабочих произошел резкий перелом.

---

[1] „Сибирская речь“ от 23 сентября 1917 г.
[2] См. „Сибирскую речь“ от 24 сентября 1917 г.
[3] См. „Сибирскую речь“ от 30 сентября 1917 г.
[4] См. „Сибирскую речь“ от 21 октября 1917 г.
[5] „Сибирская речь“ от 23 октября 1917 г.

Это ясно сказалось во время кампании „займа свободы", который под влиянием разоблачительной агитации большевиков встретил резко отрицательное отношение со стороны рабочих.

Разгром июльской демонстрации рабочих и солдат в Петрограде вызвал негодование среди большинства омских рабочих. На общем собрании рабочих завода Рандрупа 15 июля была принята резолюция протеста против „организованной буржуазией травли известных революционных деятелей и политических течений".

Рабочие заявили „о своей готовности в любой момент по призыву полномочных органов революционной демократии Советов Р. и С. Д. встать на решительную защиту достигнутых завоеваний революции", резолюцию свою об отношении к Временному правительству, принятую за месяц до этого, собрание постановило отменить[1].

В настроениях железнодорожных рабочих к осени 1917 г. также произошел решительный перелом. Первый съезд железнодорожников, состоявшийся в конце апреля—начале мая 1917 г., принял резолюции соглашателей[2].

Второй же съезд железнодорожников Омской дороги представлял уже совершенно иную картину. Съезд открылся 25 октября 1917 г. Представители рабочих в большинстве принадлежали к большевикам. К сожалению, резолюции этого съезда не сохранились. Но о них можно составить себе представление по напечатанному в „Сибирской речи" отчету, пропитанному злобой и ненавистью.

„Замечается,—писала кадетская газета,—резкое деление съезда: с одной стороны интеллигентная часть его, а с другой—представители рабочих мастерских и депо все больше с непримиримо большевистскими взглядами.

Надежды на продуктивность работы очень мало, потому что уже первый день показал, что найти почву для соглашения и общий язык едва ли удастся"[3].

Это газета писала 27 октября, а 11 ноября газета с негодованием сообщает:

„Открывшийся еще 25 октября съезд служащих, мастеровых и рабочих Омской дороги происходит еще и до сих пор. Почти все время съезда уходит на бесплодные дебаты по разным вопросам.

Съезд делится на две группы — с одной стороны, эсеры, социал-демократы интернационалисты и оборонцы, а также и беспартийные, а с другой—большевики и эсеры-максималисты"[4]. Через 5 дней „Сибирская речь" снова заявляет:

„Практического значения этот съезд не имеет никакого, и

---

[1] См. „Известия С. Р. и С. Д." от 19 июля 1917 г.
[2] „Омский вестник" от 4 (17) мая 1917 г.
[3] „Сибирская речь" от 27 октября 1917 г.
[4] „Сибирская речь" от 11 ноября 1917 г.

прошел он большей частью в прениях и дебатах на политические темы. Обозначившееся с первых дней деление съезда на большевиков и контрбольшевиков... еще более усилилось к концу работ съезда"[1].

Легко понять причину негодования омских кадетов. В тот день, когда в Омске было получено извещение об Октябрьском восстании в Петрограде, омские соглашатели потеряли опору в Железнодорожном районе, где еще недавно их резолюции собирали большинство голосов.

Рабочие Омского железнодорожного узла стали на сторону большевиков. Омский пролетариат стал на путь завоевания власти.

УСПЕХИ БОЛЬШЕВИКОВ СРЕДИ СОЛДАТ ОМСКОГО ГАРНИЗОНА

Мы уже упоминали о том, что омская буржуазия пыталась привлечь на свою сторону солдат Омского гарнизона, используя для этого офицеров. Меньшевики и эсеры оказывали буржуазии в этом деле посильное содействие. И на первых порах их деятельность имела известный успех. Так, в начале апреля в 27 полку собрание офицеров и ротных делегатов от солдат, выслушав воззвание Всероссийского крестьянского союза, постановило:

„Приветствовать названный союз, стать на защиту и проведение в жизнь его программы и всеми силами поддерживать Временное правительство".

„В 705 дружине постановлено пожертвовать 120 руб. в „Скобелевский комитет" на покупку и распространение книг, брошюр, листков и т. п. среди солдат в окопах"[2].

Проводником эсеровского влияния на солдатские массы в Омске должен был послужить „Союз солдат-крестьян". Этот союз был организован в различных городах России по инициативе Всероссийского крестьянского союза.

В Омске 21 апреля представители солдат-крестьян 20 и 28 сибирских запасных полков явились на заседание Исполнительного комитета Западно-сибирского совета крестьянских депутатов и заявили, что солдаты-крестьяне организуют полковые комитеты солдат-крестьян, а затем создадут гарнизонный союз солдат-крестьян; они желают „вступить в контактное действие с Исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов, который они считают родным". Заявление солдат-крестьян встретило со стороны Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов самое сочувственное отношение,

---

[1] „Сибирская речь" от 16 ноября 1917 г.
[2] „Омский вестник" от 9 (22) апреля 1917 г.

и он немедленно об этом довел до сведения Совета рабочих и военных депутатов[1]. В Совете рабочих и военных депутатов забили тревогу.

Солдатские депутаты поняли, что омские офицеры снова пытаются отколоть солдат от рабочих, что „союз солдат-крестьян" явится орудием буржуазии в борьбе за армию.

24 апреля 1917 г. Исполнительный комитет Совета рабочих и военных депутатов и бюро военного отдела Совета признали организацию особого военного отдела при Совете крестьянских депутатов с такими же функциями, как и военный отдел Совета рабочих и военных депутатов, вредной для дела революции[2].

На следующий день такое же постановление вынес и Исполнительный комитет Западно-сибирского совета крестьянских депутатов, согласившись с тем, что солдаты-крестьяне должны составить секцию при военном отделе Совета рабочих и военных депутатов и установить связь с Советом крестьянских депутатов[3].

Союз солдат-крестьян тоже должен был признать, что „образование военного отдела при Исполнительном комитете Совета крестьянских депутатов хотя бы с частью тех функций, которые в настоящее время выполняет военный отдел Совета рабочих и военных депутатов, не только нежелательно, но и вредно. Военный отдел при Совете рабочих и военных депутатов должен быть в Омске единственным учреждением, правомочным в разрешении вопросов военного быта"[4]. Таким образом, и вторая атака буржуазии на Омский совет рабочих и военных депутатов была отбита.

В нашем распоряжении очень мало материалов, освещающих деятельность Омского „союза солдат-крестьян". Но и те немногие документы, которые сохранились в архиве, ясно рисуют роль в этом союзе офицеров, стремившихся увлечь солдат на контрреволюционный путь.

19 мая Совет „союза солдат-крестьян" избрал представителями на чрезвычайный епархиальный съезд поручика Игнатовского и солдата Забравского[5]. 21 июля Исполнительный комитет Западно-сибирского совета крестьянских депутатов, обсудив вопрос о пропаганде большевиков среди солдат Омского гарнизона, постановил:

---

[1] Протокол № 6 заседания Исполнительного комитета Западно-сибирского совета крестьянских депутатов от 21 апреля 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 45, л. 1.

[2] См. протокол № 22 совместного заседания Исполнительного комитета Омского совета Р. и В. Д. и бюро военного отдела от 24 апреля 1917 г. Гос. арх. Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 19.

[3] См. протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Западно-сибирского совета крестьянских депутатов от 29 апреля 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 45, л. 2.

[4] „Омский вестник" от 6 (19) мая 1917 г.

[5] См. „Омский вестник" от 21 мая (3 июня) 1917 г.

„Просить комитет солдат-крестьян выработать соответствующее воззвание, а также устраивать митинги о большевизме“[1].

Однако это постановление запоздало. Большевики развили уже большую деятельность среди войск Омского гарнизона и приобрели немало сторонников среди солдат. Об этом свидетельствует следующий факт, описанный в воспоминаниях А. А. Звездова.

Однажды летом 1917 г. руководитель Омского военно-окружного комитета меньшевик Азаров вызвал возмущение среди солдат 20 полка тем, что он к своему выступлению на собрании полка для охраны собственной персоны пригласил школу юнкеров. Для успокоения солдат Азаров просил выступить большевика Звездова, но предупредил его быть „насчет большевизма полегче, а то полк черносотенный и анархический“. Успех большевистского выступления в полку, где т. Лобков провел уже большую работу, был для меньшевиков совершенно неожиданным. Солдаты на речь т. Звездова ответили бурными аплодисментами и криками „ура“, затем „весь полковой комитет 20 полка вскакивает на эстраду и громогласно заявляет: „Мы все большевики“! И опять прокатывается мощное ура“[2].

О работе омских большевиков в воинских частях гарнизона мы располагаем, кроме цитированного выше протокола заседания комитета Правобережного района, лишь одной газетной заметкой. Но заметка эта в буржуазной газете настолько интересна, что следует привести ее полностью:

„СОБРАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

15 апреля состоялось общее собрание членов социал-демократических военных организаций. Присутствовало более 80 членов и около 20 сочувствующих.

Выслушав доклады, собрание признало, что Временное правительство, созданное и состоящее из мирной (?) буржуазии, неспособно провести до конца широкие демократические реформы.

Ввиду этого собрание нашло необходимым сплотиться широкой массе революционного народа вокруг Советов рабочих и военных депутатов, которые и должны взять инициативу в деле широкой демократизации страны и предупредить всякую попытку поднять голову контрреволюции. Для борьбы с последней по всей России должна быть соз-

---

[1] Протокол заседания Исполнительного комитета Западно-сибирского совета крестьянских депутатов от 21 июля 1917 г. Гос. арх. Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 1, лл. 19—20.

[2] Цит. по брошюре „Тов. Лобков“, изд. Истпарта Омского губкома РКП(б), 1925 г., стр. 17—18.

дана „Красная гвардия", а постоянная армия — заменена всенародным вооружением"[1].

Омские большевики к концу лета 1917 г. завоевали ряд полков Омского гарнизона и на созванной тогда же в Омске Сибирской военной конференции одержали верх над меньшевиками и эсерами. Когда в начале ноября в Омске была сделана попытка контрреволюционного мятежа, солдаты Омского гарнизона оказали Совету единодушную поддержку, и мятеж был ликвидирован.

Расположенные в Омске казачьи части труднее поддавались большевистскому воздействию. Кадеты, эсеры и меньшевики возлагали на них большие надежды и вели среди казачества усиленную агитацию.

Сибирское казачье войско в Западной Сибири представляло замкнутую привилегированную сословную группу с особым войсковым управлением, с особыми военными обязанностями, наделенную наиболее плодородными землями и лучшими угодиями. До Февральской революции сведения о количестве земли в войске тщательно скрывались.

Февральская революция дала возможность лишь слегка приоткрыть завесу над земельными делами казачества. И только после Октября Совет казачьих депутатов осветил земельные отношения в войске.

По не вполне точным сведениям войсковой управы, надельной земли на территории сибирского казачьего войска в частновладельческих и офицерских участках было 448 306,38 десятины и так называемых войсковых запасов—548 872,66 десятины, кроме того, необмежеванный, неснятый на план войсковой запас составлял 961 789,02 десятины.

Надо иметь в виду, что при межевании войсковое начальство стремилось дать как можно больше земли казакам-дворянам и кулакам и как можно меньше—землеробам.

С этой целью определение удобной и неудобной земли производилось неправильно, широко применялась взятка, и в результате дворянам и кулакам доставались лучшие земли[2].

Кулаки прибрали к своим рукам также наиболее плодородные земли из войсковых запасов, которые казачьи чиновники за взятки сдавали в аренду по дешевой цене.

К Февральской революции классовое расслоение казачества достигло значительной степени. Казачья беднота находилась в кабальной зависимости от кулаков и офицеров-дворян.

Ряд казачьих частей на фронте оказался очень восприимчивым к революционной пропаганде. Это показывает декларация Сибирской казачьей дивизии, находившейся на Северо-западном фронте. Дивизия требовала „расказачивания", т. е. уравнения каза-

---

[1] „Омский вестник" от 18 апреля (1 мая) 1917 г.

[2] См. „Известия Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Совета Р. С. и Кр. Д." от 17 марта 1918 г.

чества в правах со всем крестьянством и одинакового с ним решения земельного вопроса.

Перед омскими большевиками стояла задача завоевать тыловые казачьи части, расположенные в Омске, вырвать казачью бедноту из-под влияния офицерско-кулацких кругов, объединить и повести за собой революционное казачество. Эту задачу они выполнили.

Во второй половине апреля в Омске состоялся первый съезд (круг) депутатов сибирского казачьего войска. Этот съезд продемонстрировал расслоение казачества и развитие классовой борьбы внутри войска. На съезде резко обозначились два течения: староказаческое и новоказаческое. Староказаческая группа во главе с офицерами-дворянами и кулаками стояла за сохранение обособленности казачества и его привилегий. Новоказаки требовали уравнения казаков со всем трудовым населением России. Бой разгорелся по правовому и земельному вопросам. В результате были приняты компромиссные резолюции.

Съезд признал желательным „сохранить казачество как особую группу, равноправную с остальным населением граждан, из которой должны комплектоваться особые казачьи части при условии отбывания военной службы наравне с остальным населением Государства Российского и со снаряжением за счет государства". Таким образом, „расказачивание" было отвергнуто; казачество сохранялось как особая группа, сохранялись и особые казачьи воинские части, но декларировалось равноправие казачества с остальным населением.

По земельному вопросу съезд признал, что „вся земля является достоянием всего государства, которое распоряжается ею, имея целью благосостояние народа, как основание экономической мощи всего государства". Вопрос о передаче земли в пользование только трудящимся, как видим, был обойден. Съезд постановил требовать отчуждения всех частновладельческих, монастырских и других земель и передачу их в распоряжение органов местного самоуправления, т. е. муниципализации земли, умолчав о характере отчуждения, безвозмездном или с вознаграждением собственников земли. Наконец, съезд потребовал, чтобы при распределении земли были прежде всего соблюдены интересы коренного населения, т. е. на территории казачьего войска—интересы казачества[1].

На втором казачьем съезде в сентябре 1917 г. внутренние противоречия среди казачества выявились очень резко. На съезде сказалось влияние офицерско-кулацких групп. Левая часть съезда, представленная казаками-фронтовиками, отстаивала „расказачивание". Наиболее революционными оказались представители Сибирской казачьей дивизии, где большевики и примыкавшие к ним беспартийные, впоследствии вступившие в ряды партии, проделали большую работу. Второй войсковой круг

[1] См. „Омский вестник" от 28 апреля (11 мая) 1917 г.

дал возможность организоваться контрреволюционным элементам казачества. Круг избрал войсковое правительство с войсковым атаманом—генералом Копейкиным во главе. Правительство это 5 октября было арестовано группой казаков Омского гарнизона, но затем освобождено из-под ареста по приказу ревкома, не желавшего обострять отношения с казачеством.

Революционные элементы казачества организовались в Войсковой совет казачьих депутатов (Совказдеп), в который влилась и состоящая при Омском совете рабочих и солдатских депутатов казачья секция. Совказдеп состоял из 40 депутатов. Депутаты были беспартийными, но находились под влиянием большевиков.

Таким образом, и в казачьих частях Омска большевики постепенно укрепили свои позиции, выбив почву из-под ног контрреволюционных партий. К январю 1918 г. большевики завоевали казачьи войсковые части.

Газета „Вечерняя заря" сообщает:

„Открылась в Омске по инициативе Совказдепа конференция казачьих войсковых частей. На ней присутствовало около 150 человек. Настроение конференции было ярко выраженным советским. Речи большевиков встречались восторженно. Речи представителей войсковой управы конференция и слушать не хотела"[1].

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА КРЕСТЬЯНСТВО

В дореволюционной западно-сибирской деревне классовые противоречия достигли значительного развития. Крестьяне-переселенцы, искавшие спасения от малоземелья и помещичьей кабалы на широких сибирских просторах, в Западной Сибири „свободной" земли не находили. В Акмолинской области частная собственность на землю стала расти с 1877 г., со времени издания закона о наделении землей казачьих офицеров, и к 1916 г. приняла внушительные размеры.

„По сведениям войсковой управы на 1 января 1916 г. числилось земли, отведенной на правах собственности генералам, офицерам и военным чиновникам:

В Омском	уезде	—162 696 дес.	860 кв. с.
„ Петропавловском	„	—113 047 „	1501 „ „
„ Кокчетавском	„	— 23 607 „	176 „ „
А всего по трем уездам		—299 351 „	137 кв. с.[2]

Сибирские крестьяне не знали крепостного права, и помещичье землевладение в Западной Сибири было недавнего происхождения. Но кулацкое хозяйство здесь имело за собой более чем столетнюю давность. Впрочем, кулацкими эти хозяйства

---

[1] „Вечерняя заря" № 8 за 1918 г.

[2] По материалам Гос. архива Омской обл., Справочный фонд, ед. хран. № 25, л. 92.

можно назвать очень условно. Кулаки—крестьяне по своему социальному происхождению, по размерам своих владений, по способу ведения хозяйства, а иногда и по характеру гнета, которому они подвергали трудовое крестьянство, не отличались от феодала-помещика.

„Мироедство,—пишет В. И. Семевский,—было сильно развито и на севере Европейской России, но в Сибири оно достигло страшных размеров"[1]. Автор рассказывает о богатом крестьянине Новикове, жившем в конце XVIII и начале XIX века в деревне Березовой, Кузнецкого округа, Ново-Томской волости. У Новикова было 80 годовых работников и 40 приказчиков. Он вел обширное полевое хозяйство и крупную торговлю скотом.

„Понятно,—пишет В. И. Семевский,—что крестьяне находились в полной экономической зависимости от Новикова; будучи постоянно у него в долгу, они почти не осмеливались продавать свой хлеб и скот в другие руки: все везли к нему и сдавали приказчикам, а цены за принятый товар безапелляционно назначал сам Новиков... Понятно, что его тяжелая рука тяготела и над местным крестьянским самоуправлением. Он совершенно деспотически распоряжался делами Ново-Томской волости..."[2] Близкие знакомства и связи в высших чиновничьих сферах обеспечивали Новикову возможность самовластно распоряжаться во всем округе и полную безнаказанность. Он творил суд и расправу над крестьянами, наказывал их плетьми, сдавал их в рекруты.

В конце XIX и начале XX века крупные кулацкие хозяйства в Омском уезде были созданы на землях, купленных у казачьих офицеров и арендованных у войскового правления или у казахов (киргиз). Это были скотоводческие и зерновые хозяйства, которые велись по переложной (залежной) системе.

Кулак Красюков владел заимкой в 1 240 десятин собственной и 750 десятин арендованной земли. Занимался он земледелием, разведением рогатого скота и „мечтал" о коневодстве. В хозяйстве было до 200 рабочих летом и до 15 зимой.

У Леженкиной было 3 381 десятина (281 дес. собственной земли и 3 100 арендованной); рабочих было летом до 100, зимой до 25[3].

Сибирская железная дорога дала сильный толчок развитию капитализма в деревне. Кулачество создавало потребительские и снабженческо-сбытовые кооперативы, маслодельческие артели и пр. Тесные торговые связи с городской буржуазией укрепляли его позиции в деревне.

---

[1] *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, СПБ. 1901 г., стр. 697—699.

[2] Там же.

[3] См. „Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России". Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, СПБ. 1913 г., стр. 69—92.

Картину эксплоатации, которой подвергалось сибирское крестьянство, рисует Н. Н. Козьмин. Рядовой крестьянин, пишет он, „нанимается поденно или на „помочи"... обычно отрабатывая долг. Землю он приарендовывает, а продукты хозяйства сдает торговцу-скупщику под товар или под деньги... Обычно и товар и деньги взяты вперед"[1].

Ленин приводит яркую иллюстрацию разложения сибирского крестьянства в следующих данных по четырем округам Енисейской губернии:

„У 39,4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6,2% всей запашки и 7,1% всего скота, тогда как у 36,4% дворов с 5 и более лошадей, при 51,2% населения,—73% запашки и 74,5% всего скота"[2].

Низшие группы—это деревенская беднота и, главным образом, переселенцы, находившиеся в кабале у старожилов-кулаков. В Западной Сибири это явление выступало еще более резко.

Во время мировой империалистической войны произошло обезлюдение сибирской деревни. Призывы в армию лишили рабочих рук больше всего средние и нижесредние крестьянские хозяйства. Кулаки прибрали к рукам их земли.

Классовые противоречия создавали в западно-сибирской деревне благодарную почву для революционной агитации. Однако после Февральской революции доверчивое отношение крестьянства к Временному правительству дало возможность эсеровским комиссарам одурачить крестьян, вселить в них веру во „всемогущее" Учредительное собрание, которое „всех рассудит и крестьянам даст землю".

16 апреля в газете „Омский вестник" была напечатана заметка под заголовком: „Деревня и революция". Заметка эта должна была рассеять буржуазные страхи.

„Из Полтавской, Александровской, Ново-Царицынской, Москаленской и других волостей Омского уезда идут тревожные вести.

По словам одного из комиссаров Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, крестьяне, понимая превратно слово „воля", захватывают казенные и крупные частновладельческие (арендованные у казны) земли. Сельские и волостные самоуправления бессильны бороться с этим печальным явлением, тем более, что некоторые выборные сами поторопились захватить „божью землю". На почве захвата земли среди крестьян большое возбуждение, ибо захват не только казенной земли идет, но и у арендаторов. Сельские и волостные самоуправления почти никакого влияния на крестьян не имеют. Но вместе с тем проявляют крестьяне неограниченное доверие к „народному начальству"—крестьянским комиссарам

---

[1] *Н. Н. Козьмин*, Очерки прошлого и настоящего Сибири. Цит. у И. Зобачева „1905 год в Сибири", 1940 г., стр. 6.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 85.

(от Совета крестьянских депутатов). Слова и советы комиссаров, что земельный вопрос может быть разрешен только Учредительным собранием, а поэтому захват ими земли незаконен, встречают полное доверие и подчинение. Во многих местах, по совету комиссаров, крестьяне тут же вносят арендную плату за казенные земли, но деньги вручают не лесничему, как прежде, а самому комиссару, „доверенному от нового правительства".

По словам этого комиссара, необходимо побольше людей командировать в деревни для разъяснения и ознакомления крестьян с совершившимся переворотом и задачами момента"[1].

Этих-то людей поставила партия эсеров, которая и повела за собой первые Советы крестьянских депутатов. Уже 1-й Западно-сибирский съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 25—31 марта (7—13 апреля) 1917 г., носил ясно выраженную эсеровскую окраску, хотя делегаты встречали дружными аплодисментами всех ораторов: представителя Совета рабочих и солдатских депутатов и представителя коалиционного комитета, комиссара Временного правительства и представителей всех партий — социал-демократов, эсеров и кадетов. Настроение делегатов можно иллюстрировать такой идиллической картиной.

После приветственного слова председателя военного отдела Совета рабочих и солдатских депутатов

„...На сцену выходит глубокий старик-крестьянин и становится перед оратором на колени; солдат также опускается на колени. Старик-депутат целует и обнимает солдата. „Да будет вам, сынки, счастье... От дедушек, от бабушек вам великое, сынки, спасибо!.." — говорит старик".

Собрание встает и с благоговением созерцает эту сцену.

„Долго еще стоят на коленях старик и солдат, обнимают и целуют друг друга, многие из присутствующих плачут... Старик сходит со сцены, приближается к генералу Григорьеву (командующему войсками военного округа.—*А. Ф.*)... обнимает его, целует, становится пред ним на колени. Генерал отвечает тем же"[2].

Этот идиллически настроенный съезд избрал в Исполнительный комитет эсеров и принял эсеровские резолюции.

В резолюции по земельному вопросу после обычной декларации об отмене частной собственности на землю было твердо сказано:

„До издания Учредительным собранием земельного закона пользование землей остается на старых законах, причем никаких захватов как казенных, так и частных земель, лесов, а также самовольное пользование ими не допускается"[3].

Правда, „аграрные трения", как писал тот же „Омский вестник", прекратились не сразу. Летом 1917 г. было несколько

---

[1] „Омский вестник" от 16 (29) апреля 1917 г.

[2] „Омский вестник" от 2 (15) апреля 1917 г.

[3] Стенотчет 1-го съезда Западно-сибирского совета крестьянских депутатов 25—31 марта 1917 г. Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 81.

попыток крестьян захватить покосы, принадлежавшие крупным хозяйствам, но эти „трения" были улажены мирным путем[1].

На 2-м Западно-сибирском съезде советов крестьянских депутатов господствовали эсеры. Съезд вынес антибольшевистские резолюции. Почетным председателем съезда был избран эсеровский лидер Дербер, по имени которого впоследствии было названо первое сибирское контрреволюционное правительство. Съезд послал приветственную телеграмму „своему министру социалисту-революционеру" Керенскому; в резолюции о войне предложил привести армию „в состояние полной боевой способности для активных действий", а в резолюции по земельному вопросу повторил те же эсеровские посулы об учредительном собрании[2].

Протоколы заседаний Исполнительного комитета Западно-сибирского совета крестьянских депутатов и протоколы уездных съездов Советов крестьянских депутатов говорят о все более тесном единении этих организаций с партией эсеров, с которой они решили „итти вместе" и на выборы в Омскую городскую думу и на выборы в Учредительное собрание.

Однако успехи эсеров в деревне оказались непрочными.

Омские большевики понимали, какое значение имеют правильные отношения между рабочим классом и крестьянством для победы пролетарской революции. Они стремились высвободить крестьянство из-под влияния эсеров, сплотить его вокруг пролетариата. Однако и для работы в городе сил у омских большевиков было чрезвычайно мало; деревне они не могли уделить достаточного внимания. Это было самое слабое место в работе Омской партийной организации. Но в борьбе с эсерами за крестьянство большевики нашли хороших помощников в лице солдат-фронтовиков.

Когда большевистский агитатор приезжал в деревню, он прежде всего спрашивал, кто из крестьян вернулся с фронта. Этого солдата агитатор убеждал выступить на собрании и рассказать о войне. А затем выступал сам и объяснял, кто затеял войну и кому она приносит пользу[3]. Такие выступления почти всегда имели успех.

Борьба большевиков с эсерами за крестьянство Омской области в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции закончилась победой большевиков.

„Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова"[4].

---

[1] См. „Омский вестник" от 14 (27) июля 1917 г.

[2] См. протоколы заседаний 2-го Западно-сибирского съезда крестьянских депутатов (в г. Омске). Заседание от 22 июня 1917 г.

[3] См. Воспоминания С. П. Молотовникова — стенограмма вечера воспоминаний старых большевиков Омской партийной организации от 30 июня 1942 г. Омский Облпартархив.

[4] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 40, изд. 11-е.

К осени 1917 г. крестьянская беднота и значительная часть середняков Омской области освободились от эсеровского дурмана и оказывались все более восприимчивыми к большевистской агитации. Омский комитет большевистской организации постепенно становился для крестьян притягательным центром, куда они все чаще обращались с различными запросами. При проведении Октябрьской революции в настроениях западно-сибирского крестьянства произошел резкий перелом. Он нашел ясное выражение на 3-м Западно-сибирском съезде Советов крестьянских депутатов.

ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОМСКЕ

Успехи большевистской агитации и рост революционных настроений в рабочих и солдатских массах города Омска и в крестьянских массах области сказывались все яснее. Но руководители Омского совета продолжали свою примиренческую политику.

Открытый переход коалиционного Временного правительства на путь контрреволюции, попрание демократических прав народа и преследования, с которыми министры-„социалисты" обрушились на большевиков, окрылили омских кадетов и их прихвостней. Усиливается травля большевиков в местной печати, развивается клеветническая кампания среди рабочих, ведется подпольная погромная агитация. Для борьбы против поднимающей голову контрреволюции Исполнительный комитет Омского совета рабочих и солдатских депутатов решил организовать манифестацию. Мысль о такой манифестации возникла одновременно в военном отделе Совета и в комиссии по подготовке созыва Учредительного собрания. Совет рабочих и солдатских депутатов* 9 августа утвердил план манифестации и лозунги, под которыми она должна быть проведена:

„Да здравствуют Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!"

„Объединяйтесь вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!"

„Всемерная, решительная поддержка Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!"

„С Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов против контрреволюции!"

Затем шли лозунги об Учредительном собрании, демократической республике, о международном мире, демократизации армии и т. д.[1]

---

* К этому времени слово „солдатские" депутаты прочно укоренилось в названии Совета, окончательно вытеснив слово „военные".

[1] Протокол № 29 общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 9 августа 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 26, л. 34.

Манифестация состоялась 13 августа и прошла с огромным успехом. Как отмечают „Известия С. Р. и С. Д.“, манифестация вылилась в демонстрацию[1]. Омские рабочие и солдаты продемонстрировали свою преданность революции. Контрреволюция обнаружила свое бессилие. Попытки сорвать демонстрацию провалились, хотя кадеты и их эсеровское охвостье мобилизовали для этого все свои силы.

Происки контрреволюционеров были разоблачены на 2-м Западно-сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который в то время состоялся в Омске. При этом местная организация партии эсеров ясно продемонстрировала свое предательство интересов трудящихся и переход на сторону врагов народа.

Председатель областного Исполнительного комитета в докладе на съезде сообщил, что „отдельные неизвестные группы вроде какой-то боевой дружины на Атаманском хуторе пытаются угрозами сорвать манифестацию или, по крайней мере, отдельные лозунги ее. Также против отдельных лозунгов, например: „Долой смертную казнь“, „Долой ограничение прав солдата“ и т. п., протестуют обе школы прапорщиков“. Это те самые юнкера, которые 1 ноября 1917 г. попытались поднять в Омске контрреволюционный мятеж. „Под влиянием этих протестов,—заканчивает докладчик,—С. Р. и С. Д. предоставил им (т. е. школам прапорщиков.—*А. Ф.*) право на свободные лозунги“.

Омские примиренцы и здесь остались верны себе.

Представитель партии эсеров Паскевич, „подтверждая факт угроз со стороны боевой дружины, заявляет, что омская группа эсеров и ряд других организаций, примыкающих к партии эсеров, высказываются против манифестации из боязни эксцессов, тем более, что один из местных профессиональных союзов заявил о своей готовности силой бороться с лозунгами протеста против смертной казни“. На этом же собрании выяснилось, что угрозы исходили от профсоюза грузчиков и чернорабочих, который сначала был сбит с толку контрреволюционной агитацией, но затем понял значение манифестации и решил принять в ней активное участие[2].

Демонстрация от 13 августа явилась смотром революционных сил омского пролетариата и, помимо воли ее организаторов, стала важным этапом на пути подготовки Октябрьской социалистической революции в Омске.

Забастовка металлистов и торгово-промышленных служащих и подготовка всеобщей забастовки еще больше сплотили ряды омских рабочих, а корниловский заговор окончательно сорвал маску с социал-предателей.

---

[1] См. „Известия С. Р. и С. Д.“ от 20 августа 1917 г.

[2] См. протокол заседания 2-го Западно-сибирского съезда Советов Р. и С. Д. от 11 августа 1917 г.

Но меньшевики-„интернационалисты", разоблачая контрреволюционные замыслы буржуазии, не могли и не хотели порвать связи с оборонцами.

Еще в конце августа Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил распустить коалиционный комитет. Вместо него был организован „Западно-сибирский объединенный комитет революционной демократии".

В объединенный комитет вошли представители Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, партий социал-демократов и эсеров и Городской думы, которая делегировала туда двух представителей: одного эсера и одного социал-демократа; кадеты, энесовцы и „Единство" в новую коалицию включены не были[1]. В деятельности комитета, созданного под лозунгом „Вся власть Учредительному собранию", большевики, конечно, участия не принимали, ограничившись посылкой туда „наблюдателя".

2 сентября Совет принял резолюцию меньшевиков-интернационалистов, разоблачающую буржуазную часть Временного правительства, признающую недопустимость сотрудничества соглашательства революционной демократии с капиталистами и подчеркивающую необходимость создания в центре и на местах „однородной власти революционной демократии". Совет утверждает, что „Западно-сибирский объединенный комитет революционной демократии" сделал уже „первые шаги, направленные к созданию однородной революционно-демократической власти в крае"[2].

Но это решение Совет принял без хозяина, вопреки воле омского пролетариата. Настроения широких рабочих и солдатских масс Омска резко расходились с настроениями депутатов Совета. Скоро это обнаружилось со всей очевидностью.

В сентябре 1917 г. контрреволюция в Омске еще не выступала открыто, но в подполье она накапливала свои силы и готовилась к будущим выступлениям. Крупные чиновники, лишенные насиженных мест, крупная буржуазия и офицерство — это были основные кадры контрреволюции, собиравшиеся под знаменем кадетской партии. К ним тянулись и деклассированные элементы с полицейским и уголовным стажем.

В начале октября темные силы контрреволюции попытались выйти на улицу. „Как известно в течение последних трехчетырех дней,—сообщает газета „Дело Сибири" в номере от 6 октября,—в городе возникли волнения на продовольственной почве. Недовольством и повышенным настроением толпы воспользовались всевозможные темные личности и под предлогом разъяснения создавшегося положения занялись погромной агитацией, которая в атмосфере значительного возбуждения толпы могла вызвать ряд эксцессов погромного характера. С часу

---

1 См. „Сибирскую речь" от 27 октября 1917 г.

2 Протокол № 31 общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 2 сентября 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 38.

дня 4 октября в Санниковском саду* собралась и держалась до вечера значительная толпа, в которой работали ораторы, произнося явно погромные или провокационные речи. К вечеру возбуждение толпы стало принимать весьма определенный характер, и во избежание дальнейшего развития беспорядков в ночь на вчерашнее число было введено военное положение".

Волнения среди населения г. Омска возникли в связи с повышением твердых цен на хлеб. Эту контрреволюционную меру Временного правительства Ленин заклеймил в статье „Грозящая катастрофа и как с ней бороться".

Ленин писал: „...правительство Керенского, в угоду капиталистам, помещикам и кулакам, *повысило* твердые цены на хлеб!!" [1]. И дальше: „...Большевики выступают... как представители интересов *всего* народа... вопреки той колеблющейся, нерешительной, поистине изменнической политике эс-эров и меньшевиков, которая довела страну до позора, подобного этому повышению цен на хлеб!"[2]

Столкнувшись с печальными результатами этой позорной продовольственной политики Временного правительства, Омский совет не мог не выразить своего отношения к повышению твердых цен на хлеб.

Одобрив введение военного положения и решительные меры, направленные к подавлению контрреволюционных выступлений в Омске, Совет рабочих и солдатских депутатов заявил протест против постановления Временного правительства о повышении твердых цен на хлеб и обратился к правительству с п р о с ь б о й пересмотреть это постановление.

О политике меньшевиков и эсеров в протоколе общего собрания Совета, конечно, нет ни слова. Омские „интернационалисты" оказались неспособными поднять вопрос на принципиальную высоту. Они ограничиваются упреками Временному правительству, что оно, „повышая цены на хлеб, не запросило мнения продовольственных управ на местах", тех продовольственных управ, где орудовали сплошь меньшевики и эсеры. После ссылок на то, что повышение цен на хлеб вызовет общее повышение цен на предметы потребления и при неизменившейся заработной плате тяжело отразится на бюджете рабочих, авторы постановления Совета сейчас же обнаруживают готовность итти на компромисс, заявляя, что „повышение твердых цен на хлеб, о с о б е н н о в т а к о м р а з м е р е, не вызывается, в ч а с т н о с т и, для Акмолинской области необходимостью"[3] (разрядка наша.—*А. Ф.*).

Своей колеблющейся беспринципной политикой в Совете „интернационалисты" все больше отрывались от омских рабо-

---

* Теперь „Сад пионеров".

[1] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 181.

[2] Там же, стр. 183.

[3] Протокол № 35 общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 5 октября 1917 г. Гос. архив Омской обл., Справ. фонд, ед. хран. № 26, л. 40.

чих и солдат Омского гарнизона, которые на практике убеждались, что только большевики являются истинными выразителями их интересов.

Завоевывая рабочие и солдатские массы города и укрепляя свои позиции в деревне, омские большевики энергично готовились к Октябрьской революции.

В начале октября омские большевики окончательно порвали организационную связь со всякими соглашателями.

До этого Омская социал-демократическая организация поддерживала сношения с объединенными организациями других сибирских городов. Везде большевистские группы росли и завоевывали рабочие и солдатские массы.

В 20-х числах марта 1917 г. в Красноярске с одобрения т. Свердлова решено было создать Среднесибирское областное бюро РСДРП (большевиков), которое с 25 марта и приступило к работе. Совещание большевистских („правдистских") групп РСДРП, происходившее в Красноярске с 10 по 13 апреля, по телеграфу известило об этом ЦК партии, который утвердил это бюро, переименованное затем в „Среднесибирское районное бюро ЦК РСДРП (большевиков)".

30 апреля группа большевиков „правдистов" вышла из состава Красноярской объединенной социал-демократической организации, положив этим начало созданию самостоятельных большевистских партийных организаций в Сибири.

Во время VI партийного съезда (26 июля — 3 августа 1917 г.) ЦК партии предложил Среднесибирскому бюро РСДРП (большевиков) принять срочные меры к уходу большевиков из объединенных организаций Сибири и образованию самостоятельных большевистских организаций.

В Омске такой отрыв произошел не сразу. Сначала организация освободилась от меньшевиков-оборонцев. Произошло это еще в июне, когда на общем собрании социал-демократической организации большинством голосов была принята резолюция, направленная против империалистической войны и осуждавшая подготовлявшееся тогда наступление русской армии. Оборонцы такую резолюцию переварить не могли. Часть из них сейчас же покинула собрание, а затем все они из объединенной организации ушли[1]. Уход из организации оборонцев дал возможность большевикам расширить свою деятельность. Но меньшевики-„интернационалисты" продолжали мешать их работе и в Совете и в профессиональных союзах; надо было избавиться и от них, но для этого необходимо было укрепить ряды омских большевиков квалифицированными работниками, что и было сделано летом.

Из Томска были командированы два опытных партийных работника: А. А. Звездов и В. М. Косарев. При их содействии Омская партийная организация в начале октября освободилась от меньшевиков-интернационалистов. Теперь руки у омских

[1] См. „Известия С. Р. и С. Д." от 26 июня 1917 г.

большевиков были уже окончательно развязаны. Они могли всецело отдаться подготовке к Октябрьской революции.

Сообщение об Октябрьском восстании в Петрограде застало большевистскую организацию в разгаре этой подготовки. Рабочие и солдатские массы в это время уже шли за большевиками. Меньшевики-интернационалисты выражали сочувствие большевикам, объявили себя сторонниками Октябрьской революции, но оказались неспособными от слов перейти к революционному действию и продолжали топтаться на месте вокруг „однородной власти".

„Объединенный комитет революционной демократии" выпустил следующую декларацию:

„В Петрограде восстание рабочих и солдат. Его цель — создание нераздельной власти — революционной рабочей и крестьянской демократии. Ни одна часть российской демократии не может поднять своей руки против повстанцев за власть демократии. Жребий брошен: или революция, или контрреволюция. Другого выбора нет. Западно-сибирский объединенный комитет революционной демократии заявляет, что он за торжество революции, за власть революционной демократии, что он с повстанцами. Комитет, не скрывая от себя всех опасностей и всех трудностей борьбы за власть демократии и за удержание власти в ее руках, призывает всех товарищей рабочих, солдат, крестьян и казаков, соблюдая полную революционную дисциплину, тесно сплотить свои ряды вокруг Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Советов крестьянских депутатов и быть наготове стать на активную поддержку восстания рабочих и солдат, на активную защиту революции и ее завоеваний. Комитет призывает в то же время не поддаваться никакой провокации и никаким призывам к каким бы то ни было выступлениям без прямого указания полномочных органов революционной демократии — Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Советов крестьянских депутатов и их комитетов".

Обращение это обсуждалось в заседании комитета всю ночь на 26 октября (ст. ст.) и было принято на рассвете большинством 25 голосов против 1 при 13 воздержавшихся [1].

Омские меньшевики-интернационалисты признали Октябрьскую революцию только на словах и с большими оговорками.

В декларации не было ни слова о власти Советов и совершенно не упоминалось о социализме. Авторы декларации подчеркивали, что они с „повстанцами" потому, что „другого выбора нет". Лозунг соглашателей „Вся власть Учредительному собранию" декларацией не снимался.

Скоро меньшевики-„интернационалисты" выразились яснее. 14 ноября в заседании Городской думы официальный представитель омских меньшевиков-интернационалистов К. А. Попов

---

[1] По материалам Истпрофа Омского окрпрофсовета. Гос. архив Омской обл., Справ. фонд, ед. хран. № 15.

так охарактеризовал Октябрьскую социалистическую революцию: с одной стороны, сказал он, восстание было „необходимым шагом, вызванным действиями Временного правительства", с другой стороны — переворот не привел „к власти всей революционной демократии", а только к власти большевиков, „отражающих интересы только одной части (?) пролетариата". Проливая слезы по поводу „распада государственного механизма страны", „продовольственного и экономического развала", оратор от имени своей фракции внес резолюцию, требующую создания „однородной социалистической власти"[1].

Ленин охарактеризовал интеллигентские вопли тех, „...кто придавлен рутиной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, „хаосом" (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии"[2]. Ленин вскрыл сущность этого воя интеллигентиков, как результат запуганности и холопства перед денежным мешком. Таковы были и омские меньшевики-интернационалисты.

Но в порядок дня был уже поставлен штык. Нельзя было ограничиться резолюциями. Необходимо было позаботиться о вооруженной силе. Как мы видели, большевики имели прочную опору в ряде полков Омского гарнизона и успели объединить вокруг себя революционные элементы казачества. На очередь стал вопрос о вооружении рабочих.

Еще 15 апреля на собрании членов социал-демократической военной организации Омска было решено создать Красную гвардию. Большевики и до Февральской революции организовывали вооруженные рабочие отряды. Но в рамках объединенной социал-демократической организации существенных успехов в этом деле они добиться не могли. Освободившись от меньшевиков всех толков, омские большевики стали усиленно вооружать рабочих и создавать отряды Красной гвардии.

В начале ноября Красной гвардии пришлось выступить с оружием в руках плечом к плечу с революционными солдатами.

Буржуазия готовилась. 27 октября Городская дума приняла резолюцию, осуждающую „анархо-большевистское" выступление и „безумный бунт против Временного правительства". Резолюция эта была предложена,— как писала кадетская газета,— „четырьмя объединенными социалистическими группами: „Единства", народных социалистов, социал-демократов-меньшевиков и группы социалистов-революционеров оборонцев". Поддержали ее фракция кадетов и домовладельческая группа[3].

Лидер омских кадетов Жардецкий разразился громовой статьей в газете „Сибирская речь" против „наиболее бесчин-

---

[1] „Дело Сибири" от 16 ноября 1917 г.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 155.
[3] См. „Сибирскую речь" от 28 октября 1917 г.

ного и самочинного сообщества" — комитета революционной демократии[1].

За контрреволюционными резолюциями последовали контрреволюционные действия.

Еще до Октябрьского восстания в Петрограде в Омске организовался „Союз спасения отечества, свободы и порядка"[2]. Об организаторах этого союза, его составе и деятельности у нас нет никаких материалов. Но 1 ноября защитники „отечества, свободы и порядка" выступили во всеоружии. Вот как описывает это выступление газета „Сибирская речь":

„День 1 ноября, как и ожидалось в Омске (разрядка наша.— *А. Ф.*), не прошел спокойно. Приблизительно около 5 часов вечера город был взбудоражен неожиданным арестом временно исполняющего обязанности командующего войсками Омского военного округа прапорщика Половникова (меньшевика-интернационалиста, выдвинутого на этот пост Советом.— *А. Ф.*) юнкерами местной школы прапорщиков и примкнувшими к ним, как говорили, частями местного гарнизона и казаками"[3].

Последнее добавление — плод досужего вымысла кадетской газеты. Солдаты Омского гарнизона и казаки не примкнули к мятежникам. Напротив, солдаты вместе с Красной гвардией ликвидировали мятеж, которым руководили лидер местных кадетов Жардецкий и казачий полковник Березовский. Мятежникам удалось захватить военный склад 19 Сибирского запасного полка и штаб Западно-сибирского военного округа. Командующим они назначили эсера Немчинова. „Положение наше,— рассказывает один из участников подавления мятежа,— было критическое... Тов. Лобков в течение полутора суток не спал и поднял на ноги почти всех железнодорожников, т. Максимов — городских рабочих всех заводов. Эта рабочая рать двинулась со всех сторон города. Не прошло и двух часов, как барчуки-юнкера были окружены тесным кольцом.

Меньшевики, эсеры и кадеты перепугались, что юнкерам не прорвать стального рабочего кольца. Тогда они выступили посредниками между юнкерами и нами... После двухдневного плена юнкера сдались"[4].

Попытка Войскового правительства сибирского казачьего войска мобилизовать казаков „для защиты органов власти от большевиков и объединенного комитета" не удалась. Войсковому правительству пришлось самому отменить свое постановление о мобилизации и срочно оповестить об этом казачьи станицы[5].

На следующий день после ликвидации мятежа Западно-сибирский областной комитет и Омский исполнительный коми-

---

[1] См. „Сибирскую речь" от 27 октября 1917 г.
[2] См. „Сибирскую речь" от 28 октября 1917 г.
[3] „Сибирская речь" от 3 ноября 1917 г.
[4] Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 20, л. 49.
[5] См. „Сибирскую речь" от 5 ноября 1917 г.

тет постановили: „Поручить председателю объединенного комитета революционной демократии сформировать при себе Временный комитет охраны революции. Этому комитету вручается вся полнота власти по охране революции“[1]. Такой комитет был организован. В воззвании к населению города он определил свои задачи довольно скромно:

„...сохранение порядка в городе, предупреждение нарушения течения мирной жизни населения и доведение края до Учредительного собрания“[2].

Но „революционный“ комитет примиренцев оказался мертворожденным. Перед омским пролетариатом и беднейшим крестьянством области стояла другая задача — твердо и уверенно пойти по пути, указанному большевистской партией, — взять власть в свои руки.

На этот путь стали омские большевики. Они были в Омском совете в незначительном меньшинстве, но противоречие между широкими рабочими и солдатскими массами, перешедшими на сторону большевиков, и меньшевистско-эсеровским Советом с меньшевиками-интернационалистами во главе было настолько очевидно, настолько ясно было, что Совет старого состава никакой опоры в массах не имеет, что сам Исполнительный комитет на общем собрании Совета внес предложение назначить перевыборы Совета и Исполнительного комитета. Мотивировка Исполнительного комитета была не совсем вразумительна, но смысл предложения был ясен.

„Ввиду того,— докладывал Исполнительный комитет,— что отношения между слагающимися течениями в Совете и Исполнительном комитете не соответствуют друг другу, перевыборы Исполнительного комитета признать необходимыми. Ввиду абсентеизма на общих собраниях Совета его членов признать также необходимыми перевыборы всего Совета“.

Общее собрание Совета 11 ноября постановило:

„Мотивы, выставленные Исполнительным комитетом для назначения общих перевыборов Совета и Исполнительного комитета, признать правильными. Исполнительный комитет избрать после общих перевыборов Совета... Перевыборы Совета произвести 18, 19 и 20 ноября“[3].

ПРОВЕДЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОМСКЕ

Для омских большевиков наступили страдные дни. Освободившись от меньшевиков-интернационалистов, большевистская организация развила кипучую деятельность. На плечи

---

[1] Протокол № 92 объединенного заседания Западно-сибирского областного комитета и Омского исполнительного комитета Р. и С. Д. от 2 ноября 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 27, л. 4.

[2] „Дело Сибири“ от 4 ноября 1917 г.

[3] Протокол № 39 общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 11 ноября 1917 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 24, л. 44.

горсточки партийцев легла огромная работа. Тов. Лобкову, избранному председателем общегородского комитета партии, приходилось буквально разрываться на части. Надо было принимать посетителей в комитете, который, как мы уже знаем, явился теперь притягательным центром не только для рабочих, но и для крестьян. Надо было организовать работу в районах. Надо было выступать на рабочих собраниях и в воинских частях. 19-летний Лобков поспевал всюду. Тт. Косарев и Звездов вели работу среди солдат. В комитете ближайшими помощниками т. Лобкова были тт. Осип Хотеенков и Стива Доронина, приехавшие из Москвы. Общегородской комитет партии помещался тогда в комнатке под какой-то гостиницей. В эту комнату переселились тт. Стива и Петр (так звали на подпольной работе т. Хотеенкова.— *А. Ф.*). Днем они работали за столами. Ночью спали на тех же столах, на голых досках, укрывшись своими пальто. Питались всухомятку[1].

Во время выборов в Совет большевики развернули огромную агитационную работу и одержали блестящую победу. Они получили на выборах около $^4/_5$ голосов. Меньшевики-интернационалисты собрали всего $^1/_7$ всех голосов. Остальные голоса распределялись между левыми и правыми эсерами, эсерами-максималистами и меньшевиками-оборонцами.

О первом заседании нового Совета от 22 ноября сохранился отчет в газете „Дело Сибири". Эсеровская газета метала гром и молнии против большевиков, но и она вынуждена была признать, что, хотя перевыборы еще не закончены, но „в общем состав нового Совета уже определился, явное подавляющее большинство за большевиков"[2]. Первое собрание Совета носило организационный характер. Было постановлено: Исполнительный комитет организовать в составе президиума Совета и 18 членов, избираемых на общем собрании Совета на основе пропорциональных выборов путем поименного голосования. В заключение газета сообщает, что „по заявлению одного из представителей фракции большевиков, в ближайшее время Совет должен взять власть в свои руки".

Здесь газета допустила явное извращение фактов, очевидно, для того, чтобы успокоить буржуазную „общественность". Из отчета о втором заседании Совета от 30 ноября, помещенного в той же газете, видно, что вопрос о Советской власти был принципиально решен на первом же заседании Совета[3].

30 ноября Совет избрал Исполнительный комитет в составе 11 большевиков, 3 меньшевиков-интернационалистов, 2 беспартийных, 1 эсера-максималиста и 1 эсера-„центра" (как сказано в газетном отчете). Сейчас же после выборов Исполнительный комитет наметил план организации новой власти,

---

[1] См. Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 22.
[2] „Дело Сибири" от 24 ноября 1917 г.
[3] См. „Дело Сибири" от 2 декабря 1917 г.

создав ряд комиссий: финансовую, контрольно-экономическую, городскую, земскую и др.

Президиум Совета был избран в составе 4 большевиков, 1 меньшевика-интернационалиста и 1 эсера-максималиста. Одно место было оставлено для представителя фракции беспартийных. Президиуму, по предложению т. Лобкова, был дан наказ „осуществить Советскую власть в Омске".

Яростные нападки вызвало сообщение т. Лобкова о действиях Исполнительного комитета и предложение о наказе президиуму. Меньшевики и правые эсеры выступили единым фронтом против большевиков, причем главную роль взяли на себя меньшевики-„интернационалисты". Они примирились с властью Советов в о о б щ е, они выражали ей принципиальное сочувствие, но когда дело дошло до осуществления Советской власти в Омске, они запротестовали самым решительным образом. Однако песня омских меньшевиков и эсеров была уже спета. Их яростные речи и требования протесты их „занести в протокол" были совершенно бесцельны. Вопрос о Советской власти в Омске был предрешен на выборах Совета подавляющим большинством рабочих и солдат.

В городе Омске была установлена Советская власть.

2 декабря в Омске открылся Третий Западно-сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Свыше 65% делегатов съезда были большевики (74 делегата из 113). Съезд принял резолюцию „о готовности представленных на нем рабочих и солдат всеми силами и мерами поддерживать рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров".

„Ближайшей задачей рабочего класса и разоренного крестьянства,—сказано в резолюции съезда,—является укрепление центральной власти Советов путем проведения ее решений и овладения властью на местах. Сообразно этому все местные С. Р. и С. Д. должны немедленно приступить к организации власти в городах и поселках. В уездах и губерниях должны быть созваны соответственные уездные и губернские съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, исполнительным органам которых должна принадлежать власть в уездах и губерниях. До созыва таких съездов власть переходит в руки временных объединений Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В тех местах, где крестьянские Советы являются противниками Советской власти, Советы рабочих и солдатских депутатов должны брать на себя власть и через Советы солдат-крестьян (крестьянские секции СРД) вести широкую агитацию среди крестьянства". Съезд обязал С. Р. и С. Д. укрепить связь с крестьянством и содействовать организации Советской власти в деревне. Съезд принял положение о советских органах на местах, положение о рабочем контроле, резолюции по продовольственному вопросу, об урегулировании железнодорожного транспорта и устав Красной гвардии.

Таким образом, за Омским советом на путь установления

Советской власти стали все городские и поселковые Советы Западной Сибири[1].

Взяв власть в свои руки, Омский совет рабочих и солдатских депутатов послал своих комиссаров в правительственные учреждения и прежде всего в Государственный банк и казначейство. В Государственном банке, как сообщает т. Лобков в докладе Исполнительного комитета общему собранию Совета, комиссара „служащие приняли очень хорошо. Комиссар же, посланный в казначейство, был встречен несколько иначе, там служащие противились этому комиссару, осыпали его оскорблениями и придирались к нему. Мы послали комиссара в казначейство для того, чтобы некоторые казенные учреждения, желая саботировать, не стали запасаться средствами. И действительно, нашему комиссару пришлось задержать несколько ассигновок на большие суммы.

Служащие вывешивали плакаты, в которых говорилось, что в казначействе сидит „большевик с револьвером"; граждане призывались не винить служащих, если они забастуют и граждане не получат денег. Далее, в плакате говорилось, что большевики грозят штыками и револьверами. Такие же объявления были расклеены по улицам города. Атмосфера сгущалась. Когда на комиссара напала свора саботажников, он вынужден был их арестовать и отправить в „Дом республики"[2].

„Чиновники не только бросили работу, но и перевернули все вверх дном,—рассказывает один из комиссаров Областного правления.—Когда нас назначили в Областное правление, мы в последнем не встретили ни одной живой души, везде был хаос... Я пришел в ужас и сказал товарищу Тверитину: что я буду делать с этими книгами, которых было навалено до потолка? Да и вообще я по своей профессии ближе подходил к чернорабочим, а не к канцелярии, в которой я, что называется, ни уха, ни рыла не понимал. Товарищ Тверитин ответил: „Сожги весь этот хлам. Мы будем заводить свои пролетарские книги, которых должно быть гораздо меньше. Мы не боялись взять власть в руки, так уж этого хлама бояться не приходится".

После этого мы приступили к работе, пригласили новых сотрудников. Вскоре работа вошла в колею и потекла нормально, к большому огорчению наших врагов—меньшевиков и эсеров, которые вначале хихикали над нами и говорили: „Посмотрим, как эти чумазые полудикари справятся с машиной управления государством". А потом эти гордые чиновники из саботажной братии поспешно стали возвращаться и просить „этих чумазых" принять их обратно на службу"[3].

---

[1] Деятельность Западно-сибирской областной организации Советов, как указано в резолюции съезда, распространялась на области Акмолинскую и Семипалатинскую и губернии Тобольскую, Томскую и Алтайскую.

[2] Доклад Исполнительного комитета общему собранию С. Р. и С. Д. 11 декабря 1917 г. „Революционная мысль" от 14 (27) декабря 1917 г.

[3] Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 20, л. 11.

Саботажники нашли поддержку внутри самого Совета со стороны меньшевиков и эсеров. Если их выступления на общем собрании Совета 30 ноября не могли помешать установлению Советской власти в Омске и продемонстрировали лишь их полное бессилие, потерю всякого влияния на рабочие и солдатские массы города, то они вдохновили всех противников Советской власти в Омске на ожесточенную борьбу с Советом, которая объединила старое чиновничество, союз домовладельцев, кадетов, меньшевиков и правых эсеров и вылилась в демонстрации, забастовки и различные акты саботажа.

21 декабря кадетская газета „Сибирская речь" опубликовала обращение к населению г. Омска с призывом принять участие в манифестации „в защиту Учредительного собрания", другими словами—в манифестации против власти Советов от имени 13 организаций: городской управы, комитета партии эсеров, Омской украинской громады, комитета группы „Единство", конференции союза служащих правительственных и общественных учреждений, союза западно-сибирских кооперативов, кредитных товариществ, почтово-телеграфных служащих, Коммерческого института, новоомского земства, эстонской организации, союза инвалидов и союза фармацевтов. Не считая одураченных контрреволюционерами некоторых групп низших служащих, впоследствии осознавших свою ошибку и ставших на сторону Советской власти, среди организаторов антисоветской демонстрации мы видим активных участников сибирской контрреволюции с эсерами во главе.

Еще 3 декабря конференция служащих правительственных, общественных и частных учреждений Омска постановила, что служащие должны протестовать против „вторжения в их жизнь самочинных организаций и их органов" и противодействовать этому „всеми доступными для каждого учреждения мерами до полной забастовки включительно"[1].

22 декабря началась забастовка в 60 правительственных, общественных и частных учреждениях Омска, которая, по замыслу ее организаторов, должна была „продолжаться до тех пор, пока местный Совет солдатских и рабочих депутатов не откажется от посягательства на жизнь и работу учреждений города"[2].

Это была затея крупных чиновников.

Низшие служащие во многих случаях были на стороне Советской власти. Рабочие выражали возмущение саботажниками и требовали сурового наказания их.

Так, общее собрание технических бригад станции Омск 7 января вынесло такую резолюцию:

„Мы настаиваем на еще более решительных действиях по отношению к саботажникам и к тем, кто становится на пути социалистической революции, вплоть до заточения их в тюрь-

---

[1] „Дело Сибири" от 6 декабря 1917 г.
[2] „Дело Сибири" от 23 декабря 1917 г.

му и на каторгу. Ведя с ними самую решительную и беспощадную борьбу, Омский президиум должен надеяться на нас, мы же в любое время по его приказу немедленно выступим, как один человек, с оружием в руках и дадим жестокий отпор врагам революции"[1].

Служащие телеграфа, телеграфисты-рассыльные и рабочие станции Омск приветствуют Советскую власть и обещают ей свою поддержку.

„Полное наше доверие Советской власти,—заявляют они в своей резолюции,—привет наш истинным борцам за народ, полная наша активная поддержка только народной Советской власти.

Всем приспешникам и прислужникам капиталистов, противникам народа, сторонникам пресмыкающейся буржуазии наше презрение.

Да здравствует пролетарско-крестьянское правительство и Учредительное собрание представителей истинного народа, друзей его, а не противников.

Долой контрреволюцию во всех ее видах и под разными наименованиями!"[2]

Но омские контрреволюционеры еще не теряли надежды собственными силами задушить пролетарскую революцию.

Классовая борьба в Омске разгоралась.

Бывший председатель Омского совета, взявшего власть в свои руки, В. М. Косарев рассказывает о саботаже, демонстрациях и забастовках, с которыми Совет столкнулся в самом начале своей деятельности:

„Саботажники служащие злостно запутывали делопроизводство... к Совету часто приходили толпы саботажников с различными политическими и экономическими требованиями. В декабре 1917 г. была объявлена забастовка служащих банков, казначейства, переселенческого управления и др. Получивши с помощью подлога саботажной администрации предварительно зарплату за 3 месяца вперед, служащие банков и казначейства забастовали. Вместе с тем администрация банков и казначейства отказалась выдавать зарплату рабочим. Мы не знали вначале, где находились ключи от кладовой с деньгами. Однако, низшие служащие указали Исполкому, где взять эти ключи. Путем ареста головки забастовщиков нам удалось сломить забастовку"[3].

Наконец, Омский почтово-телеграфный союз обратился в Исполнительный комитет с заявлением, что „забастовка служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях ликвидируется и что необходимо предоставить бастовавшим прежние места". Исполнительный комитет решил „никаких

---

[1] „Революционная мысль" от 16 (29) января 1918 г.

[2] „Революционная мысль" от 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.).

[3] *В. М. Косарев*, Чехословацкий переворот в Омске. Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 23.

уступок саботажникам не делать, предоставив им подавать прошение в те учреждения, куда они желают вновь поступить. Эти учреждения должны решить, принять ли данное лицо на службу или просьбу отклонить"[1].

Это произошло уже в середине февраля 1918 г. Но в декабре 1917 г. забастовавшие чиновники еще держались крепко, и служащие управления Омской и Куломзинской железной дороги на общем своем собрании постановили: „Не признавать власть Советов на местах"[2].

С омскими железнодорожными служащими перекликаются омские домовладельцы, тоже не пожелавшие признать Советскую власть. Но между теми и другими была существенная разница. Низшие служащие не сознавали своих классовых интересов и, одураченные меньшевиками и эсерами, выступили вслед за крупными чиновниками против власти Советов. Домовладельцы же оказались реальными политиками, прекрасно понимавшими, против кого и за что они борются. Омский союз домовладельцев постановил: „Не признавать власти большевистского правительства и всеми доступными домовладельцам мерами противиться осуществлению декрета о национализации частной собственности в городах, вплоть до выхода на улицу...

В числе возможных решений собранием рекомендован сбор населения по набатному звону городских церквей"[3].

Опираясь на подавляющее большинство омского пролетариата и солдат гарнизона, Омский большевистский совет сорвал организованную меньшевиками и эсерами забастовку и сломил саботаж чиновников. Советская власть в городе утвердилась. Теперь должны были сказать свое слово крестьяне Омской (тогда еще Акмолинской)* области.

Западно-сибирский съезд крестьянских депутатов, происходивший в марте 1917 г., находился, как мы видели, под влиянием правых эсеров; второй съезд, состоявшийся в середине июня, во всем солидаризировался с эсеровской партией и принял все предложенные эсерами резолюции, в том числе и резолюцию, направленную против партии большевиков.

В июльские дни эсеровский Исполнительный комитет Западно-сибирского совета крестьянских депутатов мобилизовал союз солдат-крестьян для антибольшевистской пропаганды в войсках Омского гарнизона. И наконец, после Октябрьского восстания эсеры увлекли крестьянские Советы Акмолинской области на открытое контрреволюционное выступление. Среди архивных материалов сохранилось воззвание к „трудовому крестьянству Акмолинской области", подписанное Исполнительным комитетом Западно-сибирского совета крестьянских депу-

---

[1] „Революционная мысль" от 17 февраля 1918 г.
[2] „Сибирская речь" от 14 декабря 1917 г.
[3] „Сибирская речь" от 11 декабря 1917 г.
* Акмолинская область была переименована в Омскую 28 января 1918 г. по постановлению 3-го Западно-сибирского съезда Советов.

татов, Исполнительным комитетом Акмолинского областного совета крестьянских депутатов, Исполнительным комитетом Омского уездного совета крестьянских депутатов и Советом солдат-крестьян Омского гарнизона. В этом воззвании после обычной клеветы на большевиков и Советскую власть содержится призыв к „братьям-крестьянам" соблюдать спокойствие и ждать сигнала к выступлению со стороны крестьянских Советов"[1].

Но эти эсеровские Советы и комитеты не могли уже найти сочувственный отклик в трудовом крестьянстве области.

Империалистическая война и ее последствия, гибель миллионов на фронте за интересы эксплоататоров, голод и нищета трудящихся масс в тылу показали крестьянам на практике опыт соглашательства с буржуазией.

„...когда пришло время к осуществлению социализма на деле, крестьяне получили возможность ясно увидеть эти две основные политические линии—союз с буржуазией или с трудящимися массами..."[2] Крестьяне повернулись спиной к правым эсерам и пошли за левыми эсерами, с которыми большевики заключили тогда временное соглашение.

Говоря о борьбе омских большевиков за крестьянство, мы отметили перелом в настроениях бедняцких и середняцких масс Омской области, который произошел к осени 1917 г. В январе 1918 г. революционные настроения трудового крестьянства определились еще более четко. Об этом говорят крестьянские наказы делегатам 3-го Западно-сибирского съезда Советов крестьянских депутатов (17—24 января 1918 г.).

В этих наказах еще упоминается, что „вся полнота государственной власти принадлежит Учредительному собранию", но в то же время подчеркивается, что Учредительное собрание находится „под контролем Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов". Учредительное собрание не должно распускаться никем, наказывают крестьяне своим депутатам, но „если действия и работа Учредительного собрания не будут в защиту интересов трудового народа, всего населения, то на защиту этих интересов должны стать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов". Эта „народом установленная власть может отстранять членов Учредительного собрания, которые пойдут вопреки интересам трудового народа". Здесь, в этих наказах, слышен подлинный голос трудового крестьянства Западной Сибири, ставшего на сторону власти Советов. И когда представитель партии большевиков на съезде т. Лобков в своей речи поставил перед делегатами вопрос, на чьей они стороне: „на стороне ли рабочих в борьбе за социализм или на стороне правых эсеров", съезд ответил единодушным голосованием за власть Советов: резолюции были приняты большинством 144 против 1 при 22 воздержавшихся.

---

1 Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 18, л. 1.
2 *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 206—207.

В резолюции о власти говорится: „Вся власть как в центре, так и на местах должна принадлежать полномочным органам трудового народа — Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов", „объявленная декларация Центрального комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов о правах трудящегося и эксплоатируемого народа всецело отвечает истинным требованиям и запросам трудового народа".

Съезд признал, что „Учредительное собрание, не разрешившее вопросы социально-революционного преобразования в духе требований трудового народа... и не признавшее власти рабочих и крестьян, что является посягательством на право трудового народа и завоевания революции, должно быть распущено и вся полнота власти передана Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов...* никаких реставраций Учредительного собрания крестьяне Западной Сибири не допустят".

Слова единственного депутата, выступившего в защиту Учредительного собрания, были покрыты шиканием и свистом[1].

Установление Советской власти в Западной Сибири вызвало самые сочувственные отклики со стороны крестьянской бедноты.

В ответ на резолюции 3-го Западно-сибирского съезда Советов крестьянских депутатов из различных уездов, волостей и сел Западной Сибири стали поступать резолюции о признании Советской власти.

Совет крестьянских депутатов Евгащинской волости, Тарского уезда, постановил: „признать полноту власти Советов рабочих и солдатских депутатов и приветствовать объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов..." Граждане села Бугаевки, Борисовской волости, единогласно постановили:

„Учредительное собрание должно быть созвано в скором времени. Мы даем власть только такому Учредительному собранию, которое может защищать интересы беднейших крестьян и рабочих; мы поддерживаем Советскую власть, которая выражает волю беднейших крестьян и рабочих..."

О том же говорят и крестьяне других сел, требуя изгнания из Учредительного собрания кадетов и ареста саботажников, выражая готовность всеми силами бороться с этими „изменниками нашему рабочему и крестьянскому правительству"[2].

Крестьяне села Красногорка, Украинской волости, Омского уезда, заявляют:

„Шлем трижды проклятие заговорщикам, контрреволюционерам Дутову, Каледину, Корнилову и другим... Решительно

---

* Такое название Советов, взявших власть, отражающее демагогическую попытку левых эсеров указать на первенствующее значение крестьянства в рабоче-крестьянском союзе, вскоре было заменено правильным наименованием Советов — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

[1] Протоколы 3-го Западно-сибирского съезда крестьянских депутатов от 17—24 января 1918 г.

[2] „Революционная мысль" от 9 (22) января 1918 г.

протестуем против участия кадетов в Учредительном собрании. Шлем привет рабочим, солдатам и крестьянам, стоящим на страже народного правительства Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; требуем немедленной передачи всей земли в руки трудящихся через крестьянские комитеты, согласно декрета Совета Народных Комиссаров"[1].

Общее собрание свободных граждан — хлеборобов Копейкинского самостоятельного исполнительного комитета, Омского уезда, 26 февраля 1918 г. вынесло следующую резолюцию:

„Несмотря на протест и клевету некоторых буржуазных мародеров из нашей среды на партию социал-демократов (большевиков), общество... подавляющим большинством голосов постановило: признать отмену частной собственности на землю и передать ее трудовому народу"[2].

Рабочие и солдаты города Омска, взяв власть в свои руки, встретили полную поддержку беднейшего крестьянства Западной Сибири. Крестьяне-середняки заняли выжидательную позицию. Кулаки злобно шипели, распространяли провокационные слухи, но открыто до поры до времени не выступали.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОМСКЕ

После взятия власти Омским советом омские партийцы целиком переключились на советскую работу. Создание органов управления, проведение рабочего контроля, разрешение сложных продовольственных задач, организация финансов, борьба с саботажем — все это требовало неослабного внимания партийной организации. Большевики с головой ушли в эту работу. На предприятиях и в учреждениях были организованы комячейки. В выборных органах создавались комфракции. Через них общегородской и районные комитеты партии осуществляли свое руководство всей государственной и общественной деятельностью в городе. Это было конкретное руководство. Члены партийных комитетов принимали непосредственное участие в государственной и профсоюзной работе и сами проводили в жизнь партийные решения. О характере партийного руководства можно составить себе ясное представление по нескольким опубликованным в газетах протоколам заседаний Омского общегородского и районных комитетов РКП(б).

Так, в заседании общегородского комитета от 10 марта 1918 г. были рассмотрены следующие вопросы:

Об учете партийцев, работающих в различных организациях, и правильном распределении их, о создании комфракции при Областном Исполнительном комитете, о директивах комфракции при Совете рабочих и солдатских депутатов в деле народного образования, о борьбе с безработицей, о реорганиза-

---

[1] „Революционная мысль" от 26 января (10 февраля) 1918 г.

[2] „Известия Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов С. К. Р. и С. Д." от 19 марта 1918 г.

ции биржи труда и Совета профессиональных союзов, о строительных работах, городском благоустройстве, о бане и прачечной 20-го полка, об оборудовании боен и ледников, о создании летучих отрядов для ремонта сельскохозяйственных орудий в деревне, о Кулундинской железной дороге и о транспорте в угольных копях, о работе текстильной промышленности, о созыве конференции фабрично-заводских комитетов[1].

В следующих заседаниях общегородского комитета были приняты решения по вопросам: земельному и переселенческому, об организации Совета народного хозяйства и правления больничной кассы, о Совете профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов[2].

Районные партийные комитеты, которым общегородской комитет „вменил в обязанность следить за работой профессиональных союзов и фабричных комитетов", также становятся на путь конкретного руководства хозяйственными и профессиональными организациями. Общее партийное собрание Правобережного района обсуждает вопрос о деятельности Продовольственной управы и милиции и подробно останавливается на вопросе о недочетах, допущенных при осуществлении карточной системы[3].

Огромного внимания от партийной организации требовала законодательная деятельность Совета — проведение в жизнь первых декретов Совнаркома РСФСР.

Первым советским законом, осуществленным в Омске, был декрет о государственной монополии на печатание объявлений. Обязательное постановление Омского совета о передаче всех объявлений в „Революционную мысль", орган Совета, было издано сейчас же после опубликования декрета в Москве. К 9 (22) декабря 1917 г. омские газеты, согласно постановлению президиума Совета, должны были уже сдать в контору „Революционной мысли" документы по приему объявлений.

Вопрос этот в Омске стоял весьма остро. Омские буржуазные и соглашательские газеты поддерживали саботаж чиновников самой грязной клеветой на Советскую власть и большевистскую партию. Чрезвычайно важно было сразу же лишить эти газеты финансовой базы, которую создавали для них платные объявления.

Но редакции газет попытались оказать сопротивление Совету; подчинился ему только „Омский вестник". Кадетская газета „Сибирская речь" ответила, что она имеет лишь одно платное объявление, которое и будет снято; „остальные объявления месячные—будут печататься бесплатно". Представители кулацко-кооперативной газеты „Заря", руководимой меньшевиками и эсерами, заявили, что „они власти Советов не при-

[1] См. „Известия Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов К. Р. и С. Д." от 19 марта 1918 г.

[2] См. „Известия Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов К. Р. и С. Д." от 27 марта 1918 г.

[3] См. „Известия..." от 19 марта 1918 г.

знают и объявлений с газеты не снимут". Руководители газеты обратились за поддержкой в Совет казачьих депутатов, но там сочувствия не встретили[1]. Газета продолжала обливать грязью большевиков и Советскую власть. Тогда Исполнительный комитет постановил закрыть контрреволюционный листок. Вот как описывает закрытие газеты один из товарищей, принимавших в этом непосредственное участие:

„Часов в 5 пополудни я предупредил редакцию, чтобы она не портила бумаги и не делала набора. Но меньшевики и эсеры и слушать об этом не хотели. Они собрали рабочих и апеллировали к ним". Они говорили, что Советская власть „подавляет свободу печати и идет против рабочей газеты, лишая рабочих куска хлеба". Мне пришлось выступить от имени Исполкома и объяснить, что газету закрывают потому, что она идет против диктатуры пролетариата. Тогда рабочие типографии согласились не верстать газету... Часов в 11 вечера я с двумя красногвардейцами пришел в редакцию проверить, выполняется ли постановление Совета... Помещение редакции было переполнено кооператорами—меньшевиками и эсерами. Они набросились на меня с площадной бранью. В это время в подвальном помещении несколько человек из-под машины вытаскивали свежеотпечатанные номера газеты и пытались увезти их. Увидев меня, они удрали на извозчике. Задержав зачинщиков, я отправил их в „Дом республики". Там они продолжали свои выпады против Советской власти. Пришлось их посадить в каталажку. На другой день меньшевики, эсеры и кадеты устроили демонстрацию. Они пришли сначала к отделению милиции, а затем к зданию Совета, требуя освобождения арестованных. Председатель Совета согласился освободить их с условием, что они прекратят антисоветскую агитацию. Те дали подписку, были освобождены, но агитацию против Советской власти еще усилили"[2].

Осуществив монополию на печатание объявлений, Исполнительный комитет должен был разрешить один важный, не терпящий отлагательства вопрос — вопрос о городской милиции.

Так называемая „народная милиция", созданная демократической Городской думой, ничем не отличалась от царской полиции. В ней на службе осталось немало старых полицейских чиновников. Чины милиции брали взятки, производили хищения, совершали подлоги. Все это при эсеровской городской управе проходило безнаказанно. Президиум Совета произвел следствие и обнаружил злоупотребления. При обысках у начальствующего состава милиции были найдены краденые товары на десятки тысяч рублей. Воры и взяточники были отстранены от должностей.

---

[1] Доклад Исполнительного комитета общему собранию Совета от 11 декабря 1917 г. „Революционная мысль" от 14 (27) декабря 1917 г. См. также „Революционную мысль" от 12 (25) декабря 1917 г.

[2] Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 20, л. 10.

Тогда против Совета выступила городская управа. Она предложила смещенным милицейским начальникам не сдавать дела, решила не признавать назначенных Советом комиссаров милиции и всем милиционерам, признавшим власть Советов, отказала в уплате жалованья. В то же время управа пошла на подкуп милиционеров и тем из них, которые дали подписку о непризнании власти Советов, выдала за месяц вперед жалование и наградные. Городская дума одобрила действия управы.

Президиум Совета уволил саботажников и решил временно поручить охрану города Красной гвардии. Он обратился с воззванием ко всем гражданам города, разоблачив тех, кто выступил фактически в защиту взяточников, вымогателей и грабителей:

„Совет рабочих и солдатских депутатов призовет к порядку городскую управу, ставшую на защиту полицейских взяточников и вымогателей против рабочих и солдат.

И с Советом будут все рабочие и солдаты и все трудовое население Омска“[1].

Так заканчивалось воззвание президиума Совета.

Рабочие и солдатские массы города действительно были на стороне своего Совета и оказали ему полную поддержку в борьбе с саботажниками. Но внутри самого Совета, среди его депутатов, нашлись союзники и покровители врагов рабочего класса. Это были меньшевики-интернационалисты. Их представитель Попов решительно возражал против монополии на печатание объявлений, так как „от этой монополии пострадает лишь бедная демократическая печать“, т. е. эсеровские и меньшевистские газеты, поддерживающие саботажников. Лидер „интернационалистов“ ополчился также в защиту контрреволюционной городской думы, протестуя против того, что „по вопросу о милиции президиум вторгся в права городского самоуправления“[2].

В том же заседании Совет получил возможность очистить свои ряды от ложных друзей и явных врагов Советской власти. Меньшевики-интернационалисты отозвали своего представителя из президиума Совета. Фракция эсеров заявила об отзыве своих представителей из Совета. Фракция „беспартийных“, под флагом которых укрывались „социалисты“ разных толков, отозвала своих представителей из Исполнительного комитета и из советских комиссий.

Эта фракция или „группа“ организовалась 6 декабря. Одни „беспартийные“ считали для себя приемлемой платформу „социалистов“, объединившихся вокруг газеты „Заря“; другие же находили это неудобным. Решено было вопрос о платформе оставить открытым и пока образовать в Совете „группу беспартийных без платформы“[3]. Однако эта группа, не успев

---

[1] „Революционная мысль“ от 13 (26) декабря 1917 г.
[2] „Революционная мысль“ от 16 (29) декабря 1917 г.
[3] „Сибирская речь“ от 8 декабря 1917 г.

выработать себе платформу, нашла общий язык со всеми саботажниками.

Через несколько дней омские оборонцы выступили против Совета единым фронтом.

В газете „Революционная мысль" была помещена такая заметка:

„Оборонческий социалистический блок, в который входят Н. С. („народные социалисты".—*А. Ф.*), С.-Д.—„Единства", С.-Д.-оборонцы, С.-Р.—воленародовцы, постановил отозвать своих представителей из Омского совета рабочих и солдатских депутатов, омское студенчество также присоединилось к постановлению"[1].

Опорным пунктом для атак против Совета рабочих и солдатских депутатов продолжала оставаться „демократическая" городская дума, в которой большинство принадлежало эсерам. Поводом для новой атаки явились проведение Советом в жизнь декрета о суде и аресты саботажников. Расстановка сил в Думе была прежняя. Идеологическую подготовку контрреволюционного выступления взяли на себя „интернационалисты". Они заявили, что новые суды—„проводники произвола и анархии", они вопили, что большевики арестовывают „невинных людей". А когда меньшевики-оборонцы и эсеры от этих умозаключений перешли к практическим выводам о необходимости борьбы против Совета и „самоорганизации" граждан, т. е. создания боевой антисоветской организации, „интернационалисты" стали бить отбой и уговаривать Думу не применять насилия. Дума ограничилась принятием резолюции протеста против декрета о суде и требованием освобождения арестованных[2].

Мобилизация контрреволюционных сил в Омске продолжалась. Смотром этих сил должна была явиться манифестация „в защиту Учредительного собрания".

Манифестация, состоявшаяся 21 декабря, поставила лицом к лицу с омским пролетариатом весь цвет омской контрреволюции.

„К 12 часам дня,—пишет „Революционная мысль",—на площадь стали подходить группы манифестантов. Подходят эсеры, оборонцы, группа „Единства", кооператоры, студенты и др.

Лозунги все старые: „Вся власть Учредительному собранию!", „Да здравствует Учредительное собрание!", „Да здравствует демократическая республика"!

Но среди них есть несколько и новых, бросающихся в глаза, особенно этим отличились кооператоры.

„Долой насильников родины!", „Долой насилие и произвол!", „Кооперация—наш путь к социализму", „Кто против нее, тот против трудового народа!",—читаем мы на их знаменах.

Манифестантов очень мало, но зато публика „отборная". Тут генерал, не желающий снять свои погоны, тут чинов-

---

[1] „Революционная мысль" от 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.).

[2] См. „Революционную мысль" от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.).

ник с кокардой на фуражке, тут и дамочка „с пружинкой", презрительно отворачивающаяся от грязного пролетария"[1].

Манифестанты не встретили никакой поддержки со стороны рабочих.

Полный провал манифестации саботажников стал еще очевиднее, когда омские рабочие и солдаты по призыву Совета 26 декабря вышли на „демонстрацию мира", чтобы выразить свой протест против империалистической бойни и свое стремление к демократическому миру.

Демонстрация прошла блестяще. Воинские части, рабочие дружины, Красная гвардия, политические, профессиональные организации и, наконец, военнопленные, объединившись под лозунгами Октябрьской социалистической революции, продемонстрировали свою преданность власти рабочих и крестьян, свое стремление встать на защиту Советской власти и добиться полной победы.

Но контрреволюция в Омске еще не сложила оружия и не отказалась от открытых выступлений. Потерпев неудачу мобилизовать и повести за собой отсталые элементы рабочего класса и мелкую буржуазию города под лозунгами защиты Учредительного собрания и демократической республики, она сделала попытку использовать старое испытанное царскими погромщиками средство—сыграть на темноте религиозно настроенных слоев городского населения, поднять их на защиту религии и церкви. Еще задолго до того, как декрет о свободе совести был осуществлен в Омске, омское духовенство развило усиленную агитацию против отделения церкви от государства. На почве этой агитации кадеты вместе с попами решили организовать контрреволюционное выступление и сокрушить в Омске Советскую власть.

Часа в 2 ночи на 19 февраля 1918 г. во всех церквах Омска ударили в набат. По этому сигналу прихожане должны были бежать к своим приходским церквам, откуда кадеты предполагали повести их под командой казачьих и других офицеров арестовывать руководителей Советской власти в городе. Одураченные попами люди, действительно, начали собираться на площади у собора и подле архиерейского дома, но „поповское восстание", как иронически назвали его омичи, не вышло. Кадетские планы были своевременно раскрыты Советом, и город находился под охраной патрулей Красной гвардии[2].

Еще в декабре 1917 г. кадеты и эсеры сделали попытку организации контрреволюционных сил во всесибирском масштабе. Омская городская дума получила телеграмму от „Временного Сибирского областного совета" об образовании „Сибирского правительства", поставившего своей задачей созыв Сибирской областной думы и подготовку выборов в Сибирское учредительное собрание. Областной совет призывает к „пре-

[1] „Революционная мысль" от 23 декабря 1917 г.

[2] См. газету „Пролетарий" № 8 за 1918 г. См. также „Воспоминания В. М. Косарева", Омск, Облпартархив, ф № 19, ед. хран. № 23, л. 48—49.

кращению гражданской войны"(!) и обещает всеобщий демократический мир".

Это подали голос сибирские кадетские и эсеровские „областники", мечтавшие об автономной Сибири со „всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной властей"[1]. Созвавши в октябре в Томске первый сибирский областной съезд и провозгласив автономию Сибири, они стремились отделить Сибирь от Европейской России, оградить Сибирь от большевистской пропаганды, задушить революционное движение сибирских рабочих и крестьян и под вывеской „Сибирская социалистическая власть" упрочить в Сибири господство капиталистов. Однако собственных сил контрреволюции для этого оказалось недостаточно.

1 (14) февраля 1918 г. газета „Революционная мысль" опубликовала сообщение о роспуске „Сибирской областной думы".

„Соглашательская по своему составу и контрреволюционная по своим целям—Сибирская областная дума,—писала газета,—волею Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей Сибири, Западно-сибирского областного комитета, Томского губернского и городского исполнительных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов—распущена. Временный Сибирский областной Совет арестован. Жалкий призрак буржуазной власти уничтожен".

В том же номере газеты напечатана резолюция фронтовых делегатов на Общесибирский крестьянский съезд, созванный Томским губернским советом крестьянских депутатов. Съезд этот, затеянный эсерами, должен был повесить на областную думу социалистическую вывеску и укрепить ее в борьбе против Советской власти. Но эсеровская затея провалилась.

На съезд приехало всего 23 социал-предателя, которые вынесли резолюции об Учредительном собрании, Областной думе и пр. от имени всего сибирского крестьянства. Делегаты одной пехотной дивизии и трех армейских корпусов, приехавши по неведению на этот съезд и убедившись в его контрреволюционности, заявили протест против решений съезда, разоблачив его участников.

„Мы требуем... от Томского совета,—заявляют делегаты,—немедленной ликвидации буржуазной Областной думы и заявляем, что все дивизии и корпуса, пославшие нас по недоразумению на этот съезд, как один человек стоят на стороне Советской власти и всей душой поддерживают свои революционные организации, и если дело революции потребует, то вся сила нашего боевого оружия будет находиться в распоряжении Советов"[2].

Третий Западно-сибирский съезд Советов крестьянских де-

---

[1] „Первый Сибирский областной съезд 8—17 октября в г. Томске. Постановления съезда", Томск, 1917 г.

[2] „Революционная мысль" от 1 (14) февраля 1917 г.

лутатов тогда же в своей резолюции предложил: „...распуститься областному Совету и самочинному Сибирскому правительству, никем не признаваемому"[1].

Это постановление сформулировано было в довольно наивной форме. Ждать, чтобы контрреволюционные организации „самораспустились", конечно, не приходилось. Их надо было разогнать. Президиум Исполнительного комитета Томского совета рабочих и солдатских депутатов, объявив о роспуске Сибирской областной думы, постановил предать суду революционного трибунала членов Временного сибирского областного Совета. „Временный совет" был изобличен в сношениях с контрреволюционной Украинской радой. Он ставил своей задачей „связать союзных империалистов через Сибирскую областную думу с Калединым"[2].

В Омске советское строительство имело под собой прочную основу. Партия большевиков завоевала рабочие и крестьянские массы и могла рассчитывать на их поддержку в борьбе с классовым врагом. Эту борьбу надо было повести самым решительным образом, не останавливаясь перед крутыми мерами. Контрреволюция в Омске не была еще окончательно разбита. В лице городской буржуазии и экономически мощного кулачества, в лице старого чиновничества и офицерства такого крупного военно-бюрократического центра, как Омск, местные контрреволюционные партии и группы имели достаточно прочную опору, чтобы не прекращать своего сопротивления Советской власти, чтобы при первом же удобном случае снова перейти в наступление.

Кадры контрреволюции в Омске возросли. Из столицы и из центральных губерний сюда стекались крупные чиновники, буржуазия, офицеры. Необходимо было зорко следить за деятельностью антисоветских элементов и решительно расправляться с контрреволюционерами.

К сожалению, руководители Совета проявили по отношению к врагам слишком много гуманности.

В заключительном слове по докладу Совета Народных Комиссаров на III Всероссийском съезде Советов Ленин дал отрицательный отзыв о таком излишнем добросердечии.

„Если мы виноваты в чем-либо,—сказал Ленин по вопросу о борьбе с контрреволюционными саботажниками,—то это в том, что мы были слишком гуманны, слишком добросердечны по отношению к чудовищным, по своему предательству, представителям буржуазно-империалистического строя"[3].

Омские большевики в гуманности и добросердечии поставили, можно сказать, рекорд.

Слишком добросердечным оказался председатель Омского

---

[1] Протоколы 3-го Западно-сибирского съезда Советов крестьянских депутатов от 17 (24) января 1918 г. Резолюция о Сибирском правительстве.

[2] „Революционная мысль" от 4 (17) февраля 1917 г.

[3] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 221.

совета, отпустивший на честное слово саботажников и клеветников из редакции газеты „Заря". Слишком гуманным оказался революционный трибунал по отношению к бывшему председателю Омского окружного суда. Этот председатель, граф Подгоречани-Петрович, обвинялся в том, что, „не признавая правительства Народных Комиссаров и Советской власти, он отказался сдать все дела командированным местным Советом рабочих и солдатских депутатов комиссарам, и, кроме того, в том, что 18 декабря 1917 г. сделал распоряжение кассирше Засухиной о написании ассигновок на сумму 12 926 р. 61 к. для получения таковых из казначейства, причем пометил их 16 декабря". Другими словами, бывший председатель Окружного суда обвинялся в злостном саботаже и в служебном подлоге с целью расхищения государственных средств. Надо подчеркнуть, что в защиту подсудимого выступил лидер омских меньшевиков-оборонцев Гладышев, который произнес обвинительную речь против... Революционного трибунала, вызвав овацию со стороны „чистой публики", собравшейся в зале суда.

При этих условиях Революционный трибунал вынес приговор, поражающий своей мягкостью: „Лишить обвиняемых общественного доверия"[1].

Впоследствии А. А. Звездов, бывший тогда председателем Омского революционного трибунала, писал, что ревтрибунал выносил саботажникам такие приговоры: „лишение права выборов, общественное порицание, выговоры. Самое большое наказание бывшей меньшевичке Шафрановой—3 месяца"[2].

К словам т. Звездова можно сделать небольшую поправку. К аресту сроком на 3 месяца была приговорена не одна Шафранова, но и другие 13 обвиняемых в саботаже и в подготовке контрреволюционного выступления 27 декабря 1917 г. 10 обвиняемых по этому делу были „лишены общественного доверия", а девяти вынесено общественное порицание[3].

Эта фактическая поправка, конечно, не изменяет вывода об излишней, недопустимой, беззубой мягкости приговоров Революционного трибунала.

Вот описание другого судебного дела, пожалуй, еще более ярко освещающего исключительную снисходительность Революционного трибунала и во время разбора дела и при вынесении приговора.

Обвиняются 53 человека, арестованных на конференции служащих правительственных и частных учреждений.

„Публики не очень много, но лица все до бесконечности однообразные — чиновники „маленькие" и „большие", купчики, экс-офицеры и даже „офицеры", так как на их плечах красуются еще до сих пор золотые погоны.

Также до бесконечности однообразны и разговоры: недо-

---

1 „Революционная мысль" от 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.).
2 *А. Звездов*, Октябрь в Омске. „Советская Сибирь" от 2 ноября 1927 г.
3 См. „Революционную мысль" от 12 (25) января 1918 г.

вольство Советом и большевиками, сочувствие саботажникам, радость по случаю оттягивания мирных переговоров (с Германией.— *А. Ф.),* злорадство и т. д.

Революционный трибунал некоторые еще и сейчас называют „глупой комедией", но большинство начало уже кое-что понимать и теперь подходит к обсуждению этого вопроса уже с большей осторожностью, чем раньше.

Читают обвинительный акт, из него видно, что означенные лица обвиняются в том: 1) что они организовали восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуя и не подчиняясь ему, призвав к таким действиям и других граждан г. Омска; 2) что они, пользуясь своим по государственной и общественной службе положением, чтобы нарушить или затруднить правильный ход работы в учреждениях и предприятиях, в которых сами состояли или состоят на службе, решили устроить саботаж, что и привели в исполнение, категорически заявив на предварительном следствии, что при существующих в Омске республиканских порядках работать не желают, и 3) что они в публичном собрании, имевшем место 27 декабря в помещении Коммерческого училища, стремились вызвать панику в населении Омска, внушая недоверие к рабоче-крестьянскому правительству и его органам, и нарушили декреты и обязательные постановления президиума Омского совета рабочих и солдатских депутатов.

Подсудимые виновными признать себя отказываются.

Обвинитель задает вопросы; „ярый" защитник Михельсон протестует против „нового следствия", прерывает речь обвинителя, нервничает и доводит до того, что обвинитель громко протестует:

„Да дайте же мне говорить! Ведь я же имею на это такое же право, как и вы! Держите себя как следует!".

Дальше слушаешь ответы подсудимых на вопрос, почему они бросили работу, и недоумеваешь. В самом деле, почему?

Один говорит, что бросил работу потому, что так постановила конференция; мотивы неизвестны.

Другой, кажется из казначейства, потому, что там сидит комиссар, который ничего не понимает в ассигновках, а не допускает выдачи по ним.

Как пример приводит следующее: „Нужно было выдать по ассигновке деньги на выдачу жалованья председателю съезда крестьянских начальников (!), но он не допустил выдачи, мотивируя тем, что крестьянских начальников уже не существует и жалованье платить им не за что. Ну, его убеждали и так и сяк, приводили ему статьи закона — ничего не выходит, все стоит на своем".

Задают вопрос еще одному:

— Почему вы прекратили работу?

— Да потому, что там... Красная гвардия.

— А что, она вам не давала работать? Или только ее присутствие вам мешало?

— Я... дальше запинка и молчание.

Приговор вынесен следующий:

Евгения Корякова, Ивана Козякова, Василия Шевченко, Георгия Емельянова, Александра Оборского, Фаустина Буткевича, Василия Ильенко, Александра Муромцева и Петра Васильева Революционный трибунал признал виновными по 2-му пункту, но заслуживающими снисхождения, почему постановил: нежелающих оставаться на своих местах обязать сдать все свои дела. В случае отказа подвергнуть аресту на 20 дней каждого.

Остальные признаны невиновными и по суду оправданными"[1].

Собственно говоря, все подсудимые по этому делу были фактически оправданы, так как 9 человек, признанные виновными, не подлежали никакому наказанию, если они согласились остаться на своих местах или сдать свои дела. Тов. Звездов приходит к заключению, что „наша власть была до смехотворности гуманна".

Вряд ли такую политику можно назвать смехотворной. Она не выполнила одного из важнейших назначений диктатуры пролетариата: она не внушила страха врагам революции, она их прощала. Она не обезглавила контрреволюцию. Последствия этой политики были весьма трагичны. Советская власть в Омске переходящей всякие границы гуманностью дала возможность сибирской контрреволюции сохранить свои кадры. Более суровые меры, принятые по отношению к злостным саботажникам и контрреволюционерам — Жардецкому, Двинаренко, Паскевичу и им подобным с самого начала их антисоветской деятельности, лишили бы контрреволюцию в Омске наиболее ретивых ее „деятелей".

Тем не менее, несмотря на эту мягкотелость по отношению к врагам революции, после „поповского восстания" с открытыми выступлениями контрреволюционеров в Омске на время было покончено.

Враги Советской власти в Западной Сибири притаились, чтобы впоследствии обрушиться на рабочих и крестьян при содействии иностранной военной интервенции.

В январе 1918 г. контрреволюция в Омске была лишена своей основной легальной организации — Городской думы. Совет рабочих и солдатских депутатов распустил ее, создав Совет городского хозяйства. Но одна организация, вокруг которой группировались контрреволюционеры и которая оказывала контрреволюции значительную материальную помощь, продолжала функционировать и сохранила свои кадры в течение всего первого периода Советской власти в Западной Сибири, вплоть до контрреволюционного переворота, происшедшего в июне 1918 г.,—это западно-сибирская кооперация.

---

[1] „Революционная мысль" от 13 (26) января 1918 г.

Но время шло. Советская власть все более укреплялась. Надежды на близкое возвращение капиталистических хозяев земли русской падали, и сибирские кооператоры вынуждены были склонить головы и установить с Советской властью деловые отношения.

19 апреля 1918 г. правление союза „Центросибирь" нового состава, „выполняя волю и пожелание съезда уполномоченных крестьян „Центросибири" о необходимости установления более тесного делового контакта с продовольственными организациями и действительно желая установить такое взаимоотношение с органами продовольствия, предлагает Акмолинскому областному комиссариату продовольствия свои силы и технически налаженный распределительный аппарат союза „Центросибири" по распределению... товаров"[1].

Это был деловой контакт. Однако руководители западносибирской кооперации не собирались ограничить свои аппетиты будничной деятельностью в селах и городах Западной Сибири.

Перед нами чрезвычайно интересный документ — докладная записка Союза сибирских маслодельных артелей Высшему совету народного хозяйства, посланная, как видно из ее содержания, в первой половине апреля 1918 г. Записка подана от имени общего собрания уполномоченных союза.

Указывая, что Союз сибирских маслодельных артелей объединяет около 3 тыс. производительно-потребительных кооперативов Западной Сибири и части Оренбургской губернии, подчеркивая, что заготовка масла через союз достигла 92% его производства в Сибири и что производство в текущем году составляет 3500 тыс. пудов, общее собрание уполномоченных союза требует свободы кооперативной деятельности, права продажи масла за наличный расчет непосредственно продовольственным организациям Европейской России (потребительным кооперативам, продовольственным управам, заводским комитетам), другими словами — ликвидации централизованного снабжения маслом Наркомпродом. И, наконец, союз требует предоставить ему право излишки масла, около $2^1/_2$ млн. пудов, вывезти за границу для продажи, а на вырученные деньги закупить для крестьян Западной Сибири чай, сахар, сноповязательный шпагат, земледельческие орудия, мануфактуру и т. д.[2]

Это означает не более и не менее, как требование ликвидации монополии внешней торговли.

В протоколах заседаний кооперативной „Центросибири" встречаются неоднократно жалобы на то, что местные органы Советской власти считают союз кооперативов контрреволюционной организацией, между тем организация нейтральная, она заботится только об интересах трудового крестьянства.

---

[1] Гос. архив Омской обл., ф. № 151, ед. хран. № 3, лл. 68, 69.
[2] Там же.

В нашем распоряжении имеется несколько документов, характеризующих политический „нейтралитет" сибирской кооперации.

Второй Всесибирский съезд кооперативов в Новониколаевске постановил выдать контрреволюционному „Сибирскому правительству" беспроцентную ссуду около полутора миллионов рублей[1].

Это было, как можно заключить, сопоставляя газетные данные, в январе 1918 г. А в половине мая на совещании ответственных кооперативных работников ставится вопрос: „Можно ли ожидать скорого восстановления частного русского капитала — торгового и промышленного"? Организаторы совещания считают, очевидно, предрешенным положительный ответ на данный вопрос, потому что за этим вопросом следует другой: „Который из них (т. е. торговый или промышленный капитал. — *А. Ф.*) восстановит себя прежде всего"[2].

Правление союза кооперативов Западной Сибири развило энергичную деятельность только после контрреволюционного переворота.

8 июня 1918 г., на другой день после оставления Советской властью Омска, оно еще проявило известную осторожность. Обсудив вопрос „о создавшейся в связи с переворотом деловой обстановке и дальнейшем направлении деятельности „Центросибири", правление решило, что „впредь до созыва общесибирского кооперативного съезда кооперация остается политически нейтральной"[3].

Но белогвардейцев такая резолюция, очевидно, не удовлетворила. И через два дня правление „Центросибири" выразилось более определенно.

Заслушав „предложение призвать семью кооперативных работников к возможно дружной и напряженной работе, ввиду предстоящей для кооперативов ответственной задачи по устроению хозяйственно-экономической жизни" (разрядка наша.— *А. Ф.*), правление постановило: „Поручить кооперативному бюро обратиться к семье кооперативных работников с призывом к напряжению всех сил в предстоящей работе кооперативных организаций"[4].

Западно-сибирские меньшевистско-эсеровские руководители кооперативных организаций сослужили свою службу сибирской контрреволюции. Они оказали моральную и материальную поддержку саботажникам, они давали щедрые субсидии контрреволюционным организациям, они подрывали продовольственное снабжение Красной Армии и пролетарских центров и затем приложили все силы, чтобы по возможности укрепить белогвардейский тыл. Их контрреволюционная роль с

---

[1] См. „Вечернюю зарю" № 22 за 1918 г. (Дата не отмечена).
[2] См. Гос. архив Омской обл., ф. № 151, ед. хран. № 22, л. 105.
[3] Гос. архив Омской обл., ф. № 151, ед. хран. № 22, л. 115.
[4] Гос. архив Омской обл., ф. № 161, ед. хран. № 22, л. 116.

самого начала была ясна омским большевикам. И не вина, а беда омских партийцев заключалась в том, что они не в силах были овладеть сразу сложным кооперативным аппаратом и устранить из него всех саботажников и контрреволюционеров.

Первые же шаги Советской власти в Омске, осуществление первых советских декретов вызвали восторженное отношение со стороны рабочих масс, заставили рабочих почувствовать себя хозяевами на производстве, пробудили в них трудовой энтузиазм.

Рабочие на постройке здания Управления Омской железной дороги 9 марта 1918 г. выносят резолюцию с требованием решительной борьбы с контрреволюционерами, саботажниками и спекулянтами, а 15 марта эти рабочие принимают „решение напрячь все силы и знания для скорейшего окончания работ"[1].

Архивные материалы дают ясное представление о трудовом энтузиазме железнодорожников и горнорабочих.

В конце 1917 г. Омская железная дорога испытывала буквально топливный голод. Вместо 135 тыс. пудов угля в сутки, которые были необходимы для того, чтобы обеспечить нормальное движение поездов, Омская дорога получала всего 5 — 10 вагонов угля в сутки. Запасы угля на дороге иссякали. Непоступление его объяснялось недостаточной выработкой в угольных копях бывшей Томской губернии и слабой работой Томской железной дороги.

То и другое было результатом саботажа администрации и плохой работы шахтеров и железнодорожных рабочих, не доверявших своей администрации.

Чтобы уладить дело, был командирован машинист Омского депо т. Фролов. Он организовал общие собрания рабочих в копях и на Тайгинском участке тяги Томской дороги, где был резко снижен выпуск паровозов под поезда. На собраниях т. Фролов разъяснил очередные задачи Советской власти в Западной Сибири и рассказал о тяжелом продовольственном положении Петрограда и пролетарских центров.

Рабочие копей приняли решение максимально усилить добычу и погрузку угля; железнодорожники обязались увеличить выпуск паровозов под топливные поезда и принять меры, чтобы перевозка угля проходила без перебоев. Рабочие свои обязательства полностью выполнили. Омская дорога в скором времени была углем обеспечена[2].

Трудовой энтузиазм рабочих являлся основой трудовой дисциплины, которую надо было внедрить на советских предприятиях и в советских учреждениях.

---

[1] См. „Известия Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов от 29 марта 1918 г., а также Гос. архив Омской обл., ф. № 163, ед. хран. № 15.

[2] См. материалы Истпрофа Омского окрпрофсовета. Омский Гос. архив, ф. № 163, ед. хран. № 30, лл. 63—64.

„Мы не должны забывать,—говорил Ленин,—что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых"[1].

Уничтожив под руководством большевистской партии капиталистическое рабство, рабочий класс России должен был от дисциплины буржуазной, эксплоататорской перейти к дисциплине добровольной и на основе новой дисциплины максимально поднять производительность труда на социалистических предприятиях.

На этот путь омские рабочие стали уже в первые месяцы 1918 г. и Омская партийная организация уделяла этому вопросу усиленное внимание.

Еще 26 ноября 1917 г. конференция фабрично-заводских комитетов приняла резолюцию большевиков об организации рабочего контроля над производством[2]. Контроль этот был осуществлен уже при Советской власти.

Согласно обязательному постановлению Совета народного хозяйства, с 5 января 1918 г. должен был быть введен рабочий контроль над производством, распределением продуктов и финансами во всех промышленных, торговых, транспортных и других предприятиях Омска[3].

Инструкция по рабочему контролю была выработана Советом профессиональных союзов на совместном заседании с фабрично-заводскими комитетами. К 20 января рабочий контроль стал проводиться в Омских железнодорожных мастерских, в управлениях некоторых служб железной дороги и на девяти крупных промышленных предприятиях. На ряде других заводов, в товарных складах и даже в мелких мастерских были проведены подготовительные мероприятия для организации рабочего контроля.

Назначенная Советом рабочих и солдатских депутатов комиссия по рабочему контролю послала своих комиссаров в Военно-промышленный комитет, в комитеты Союза городов, Красного креста и в другие учреждения. Везде комиссары нашли полнейший хаос в делах и дезорганизацию, произведенную саботажниками. Во многих местах обнаружены были злоупотребления и хищения государственных средств. Пришлось работу налаживать по-новому и большей частью с новыми людьми[4].

Президиум Омского совета по вопросу о рабочем контроле не мог ограничить свою деятельность только омскими предприятиями. Из различных мест Западной Сибири в Омский со-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIII, стр. 44.

[2] См. „Дело Сибири" и „Сибирскую речь" от 23 ноября 1917 г.

[3] См. „Революционную мысль" от 6 (19) января 1918 г.

[4] См. протокол общего собрания Совета Р. и С. Д. от 20 января 1918 г. „Революционная мысль" от 24 января (6 февраля) 1918 г.

вет поступали запросы и просьбы о помощи в этом новом деле. Омскому совету приходилось посылать в другие города своих представителей, чтобы на месте разрешать ряд организационных вопросов.

Большого внимания требовала растущая в городе безработица. Организованная Омским советом профессиональных союзов биржа труда зарегистрировала в Омске в конце января 1918 г. 4 тыс. безработных. Ряды безработных пополнялись приезжими из промышленного района Урала и из центральных губерний, а также возвращавшимися с фронта на родину солдатами.

Совет профессиональных союзов постановил отменить сверхурочные работы, организовать вместо них вторые и третьи смены и не допускать совместительства. Открыты были общежития и бесплатная столовая для безработных и намечены общественные работы. Чтобы добыть средства для этого, Совет городского хозяйства обложил лиц, пользующихся наемным трудом, особым налогом[1].

Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов постановил снять с работ военнопленных, работающих в различных предприятиях, заменить их безработными, а военнопленных использовать на общественных работах. Однако предприниматели, платившие военнопленным самое ничтожное вознаграждение, не подчинились распоряжению Совета, сведений не представили и с работы военнопленных не сняли. Тогда пришлось применить репрессивные меры и трех капиталистов арестовать.

С национализацией промышленных предприятий в Омске было не совсем благополучно. Хотя омские большевики отвергли требование эсеров-максималистов о всеобщей национализации промышленности в Омске, но они сами тоже несколько увлеклись национализацией. Так, например, Омским советом был национализирован дрожжевой завод и пряничные фабрики[2]. Омский областной исполнительный комитет санкционировал право местных, волостных и сельских Советов намечать частновладельческие предприятия к конфискации и проводить все подготовительные мероприятия: брать на учет все имущество предприятия, учреждать контроль, посылать на предприятия своих комиссаров. В циркуляре указывается, что „окончательная конфискация должна быть утверждена Омским областным исполнительным комитетом“[3].

Но этой конфискации и национализации предприятий по усмотрению местных Советов скоро был положен конец. От отдела контроля при Президиуме Высшего совета народного

---

[1] См. „Революционную мысль“ от 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.), 17 (30) января, 27 января (9 февраля) и 30 января (12 февраля) 1918 г.

[2] См. протокол общего собрания Омского совета Р. и С. Д. от 13 апреля 1918 г. „Известия...“ от 31 марта и 9 мая 1918 г.

[3] Циркуляр Омского областного исполнительного комитета от 20 марта 1918 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 1, л. 133.

хозяйства получено было напоминание о постановлении ВСНХ от 16 февраля 1918 г., согласно которому право производить конфискацию предприятий принадлежит только Высшему совету народного хозяйства и Совету Народных Комиссаров[1].

Были допущены в Омской области перегибы и в отношении реквизиции товаров. Так, Татарский уездный совет народного хозяйства реквизировал 4193 сырые кожи, заготовленные Каинским подрайонным кожевенным комитетом для Томского района, причем представитель Татарского совета заявил, что „Татарский совет народного хозяйства считается и исполняет распоряжения подчиняющих его государственных органов постольку, поскольку эти распоряжения не нарушают местных интересов“[2]. Были и другие случаи перегибов при осуществлении советских декретов, нарушения законов и т. д. Все это требовало напряженного внимания со стороны молодых большевистских комиссаров, особенно при наличии таких „союзников“, как эсеры-максималисты, настаивавшие на конфискации всей городской недвижимости вплоть до домишек, принадлежащих служащим и рабочим, или левые эсеры, занимавшие весьма шаткую позицию по многим вопросам*.

Очевидно, под влиянием этих союзников омскими большевиками были допущены две политические ошибки, которые принципиально выдержанные руководители Омской партийной организации должны были бы избежать.

В постановлении о проведении в жизнь декрета Совета Народных Комиссаров о свободе совести, опубликованном в „Известиях Западно-сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов Р. С. и К. Д. и Омского совета Р. С. и К. Д.“ сказано:

„Самый декрет о свободе совести издан во имя величайшего принципа революции — отделения от государства церкви, как распространительницы суеверий и классового врага честного социалистического строя“[3].

Можно возражать против употребления взятого из церковного словаря слова „суеверие“, можно было бы требовать более четкого определения созданного Октябрьской социалистической революцией общественного строя, но по существу приведенное выше положение правильно отражает враждебность церкви интересам трудящихся. И совершенно естественно,

---

[1] См. циркуляр Президиума ВСНХ. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 49, л. 4.

[2] Отношение Западно-сибирского Совета народного хозяйства от 2 мая 1918 г. за № 374. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 73, л. 5.

* В марте 1918 г., когда Совет принял резолюцию, одобряющую заключение Брестского мира, эсеры-максималисты в виде протеста отозвали своих представителей из Исполнительного комитета; левые же эсеры заняли совершенно межеумочную позицию. Они заявили, что подписание мира — печальная необходимость, но что они против ратификации мира, что приостановкой военных действий и передышкой надо воспользоваться для подготовки Красной Армии к возобновлению войны. „Известия...“ от 19 и 20 марта 1918 г.

[3] „Известия...“ от 14 марта 1918 г.

что „святые отцы“ в лице Омского церковно-епархиального совета прислали в редакцию газеты протест против этого выражения, которое они нашли „противоречащим закону о свободе совести и глубоко оскорбительным для религиозного чувства“[1]. Впрочем, „религиозное чувство“ омских попов было бы удовлетворено, если бы они ознакомились с п. 3 постановления Омского областного исполнительного комитета Совета Р. С. и К. Д. от 7 марта (22 февраля) 1918 г.

В этом постановлении об осуществлении декрета о свободе совести сказано следующее:

„Население области поставляется в известность о том, что декрет направлен не против религии, а имеет в виду ограждение ее от каких-либо материальных целей и сохранение присущей ей чистоты и ценности“(!!)[2].

Из каких источников взяли авторы этого постановления такую оценку религии, мы не знаем, но с учением Ленина эта характеристика совсем не согласуется.

Ленин писал: „Религия есть опиум народа. Религия—род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь“[3].

У нас нет данных об авторах этой части постановления Исполнительного комитета, но на ней ясно видны следы левоэсеровского творчества. К сожалению, такая небольшевистская оценка религии получила тогда в Омской области большое распространение. Ее усвоил областной Совет по просвещению, ее повторили в своих постановлениях некоторые уездные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и в этом направлении была проведена массовая „разъяснительная работа“ среди населения.

Однажды Исполнительный комитет Омского областного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно при двух воздержавшихся постановил принять предложение президиума о реорганизации президиума и отделов Исполнительного комитета. Реорганизация заключалась в том, что президиум был назван Омским областным советом народных комиссаров, а заведывающие отделами — народными комиссарами, среди которых оказался и „народный комиссар почт, телеграфа и телефона“(!)[4]. Мотивировка этого проекта была отнюдь неубедительной. Президиум нашел, что „наслоение разных отделов, секций и инстанций порождает затяжки в делах“, что „каждый отдел должен исчерпывающе охватывать ведае-

---

[1] „Известия...“ от 25 марта 1918 г.

[2] Постановление Исполнительного комитета Совета К. Р. и С. Д. от 7 марта (22 февраля) 1918 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 27, л. 1.

[3] *Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 419.

[4] Протокол заседания Исполнительного комитета Омского областного совета К. Р. и С. Д. от 25 марта 1918 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 22, лл. 21—24. Также см. протокол заседания Исполнительного комитета от 19 апреля 1918 г.

мое им дело". Все это почему-то требовало создания в Омске областного совета народных комиссаров.

Следует отметить, что омские большевики энергично боролись против сибирских областников новой формации и разоблачали их контрреволюционные цели.

Третий Западно-сибирский съезд Советов крестьянских депутатов дал такую оценку „автономии" Сибири:

„Ввиду того, что Сибирь как по своему бытовому и экономическому положению, так и по народностям, населяющим ее, слишком разнообразна, признать автономию Сибири затеей либерально-буржуазной, ничего общего не имеющей с защитой интересов трудового населения Сибири"[1].

И все же отрыжка областничества чувствуется в приведенном постановлении Исполнительного комитета. Здесь, очевидно, сказалось влияние „левых" эсеров, которому большевики не дали должного отпора.

Омский „областной совет народных комиссаров" существовал в течение всего первого периода Советской власти в Омске до начала июня 1918 г. Левые эсеры вносили в его деятельность много путаницы в связи с той же разоблаченной и отвергнутой Омским и Западно-сибирским советами сибирской „автономией".

Так, по поводу назначения центром уполномоченного по колонизации „Омский областной совет народных комиссаров" постановил выразить протест центральной власти против назначения уполномоченных без согласия местных советских организаций[2]. По поводу назначения центральной властью чрезвычайного уполномоченного по продовольствию левые эсеры на заседании Областного исполнительного комитета подняли вопрос о Сибирской федеративной советской республике „без всяких только сепаратистских стремлений"[3].

Настроения омских большевиков, идеологическая выдержанность их руководителей и вся их самоотверженная деятельность говорят за то, что Омская партийная организация должна была по-большевистски, по-ленински вскрыть указанные ошибки и должным образом их исправить, но по этому вопросу мы, к сожалению, не располагаем никакими материалами.

Наряду с вопросами советского строительства перед партийной организацией Омска стояла задача защиты Советской власти с оружием в руках. Омские большевики отдают себе ясный отчет в необходимости подготовиться к этому. Общегородской комитет принимает меры к улучшению строевых за-

---

[1] Протокол 3-го Западно-сибирского съезда Советов крестьянских депутатов от 17—21 января 1918 г. Резолюция о „Сибирском правительстве".

[2] См. протокол заседания „Омского областного совета народных комиссаров" от 15 апреля 1918 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 22, лл. 31, 32.

[3] Протокол заседания Омского областного исполнительного комитета от 19 апреля 1918 г. Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 22, лл. 35—39.

нятий и к поднятию культурно-просветительной работы в красноармейских частях, выносит постановление о создании штаба Красной гвардии и об организации партизанских отрядов. Партийное собрание Правобережного района призывает всех коммунистов вступить в ряды Красной гвардии.

„Партийцев после занятий,—вспоминает В. М. Косарев,—обучали владеть оружием. Нередко почти всю организацию переводили на казарменное положение“[1].

В красноармейские отряды вступали все большевики, могущие носить оружие. Красная гвардия, партизанские отряды и красноармейские части формировались под непосредственным руководством Омской партийной организации. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний общегородского комитета партии и общих собраний Правобережного и Левобережного районов[2].

Красная гвардия к этому времени значительно окрепла и военизировалась. Вместо „пятков“ и „десятков“ были организованы роты, которые выбирали себе командиров с военной подготовкой. Командиры рот составили штаб Красной гвардии. После ликвидации контрреволюционного мятежа юнкеров Красной гвардии была выдана дополнительно тысяча трехлинейных винтовок. В состав красногвардейских рот теперь уже входили 2 тыс. вооруженных рабочих.

Утвержденный 3-м Западно-сибирским съездом Советов устав Красной гвардии содействовал ее дальнейшей военизации и имел большое значение в деле организации вооруженных сил Советской власти в Сибири. Устав этот в основном был принят всеми сибирскими отрядами Красной гвардии. Впоследствии на местах он дополнялся разделами об ответственности за хранение и содержание в порядке оружия, о прохождении службы красногвардейцами и даже об отчетности и делопроизводстве. В Красной гвардии были выделены особые команды: пулеметная, связи и разведчиков.

Интересна обстановка, в которой появились на свет омские красногвардейцы-пулеметчики.

Накануне юнкерского мятежа группа вооруженных рабочих узнала, что на станцию Омск прибыл вагон с оружием. Рабочие вагон задержали, доставили в железнодорожные мастерские и там вскрыли. В вагоне оказалось несколько пулеметов, много пулеметных лент и 200 револьверов. Создалось впечатление, что это оружие буржуазия выписала для юнкеров. Красногвардейцы оружие захватили. А когда выяснилось, что груз направлялся в адрес артиллерийского склада, Красная гвардия возбудила ходатайство о разрешении ей оставить пулеметы у себя. Разрешение было получено, и пулеметная команда омской Красной гвардии начала свое существование. По почину ом-

---

[1] *В. М. Косарев*, Воспоминания. Омский Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 23, л. 44.

[2] См. „Известия...“ от 19 и 28 марта 1918 г.

ских рабочих стали создаваться отряды Красной гвардии в других городах Западной Сибири, и оттуда в Омск приезжали с просьбой поделиться с ними своим опытом. По инициативе омских рабочих организовалась Красная гвардия и в селах области[1].

Омская Красная гвардия приняла активное участие в борьбе с контрреволюцией в Сибири. Она подавила контрреволюционные восстания в Ишиме, Славгороде и Ялуторовске. В начале мая она отправила свой летучий отряд на Дальний Восток. В протоколе заседания штаба Красной гвардии от 3 мая 1918 г. записано: „Заслушав телеграмму Центросибири о посылке военных сил на Дальний Восток для борьбы с контрреволюционером Семеновым... постановили: „признать положение на Дальнем Востоке серьезным и опасным для пролетарско-крестьянской революции... для уничтожения бандитов семеновцев штаб считает своим товарищеским долгом послать на помощь дальневосточным товарищам свой летучий отряд Красной гвардии в количестве 300 человек"[2].

Тяга в Красную гвардию была огромная. Рабочие и крестьяне стремились научиться владеть оружием, чтобы с оружием в руках стать на защиту завоеваний Октября.

Когда над Омском нависла опасность со стороны чехословацких мятежных войск, омские металлисты массой влились в ряды Красной гвардии. Союз металлистов превратился в военный штаб, где формировались отряды, выдавали винтовки и обмундирование, откуда красногвардейские отряды отправлялись на фронт.

Профсоюз грузчиков и чернорабочих, союзы булочников и торгово-промышленных служащих последовали примеру металлистов. Общегородская рабочая конференция постановила призвать в Красную гвардию заводских рабочих[3].

„Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года...—говорил Ленин.—Мы оборонцы социалистического отечества"[4].

Такими оборонцами стали омские рабочие и крестьяне сейчас же после взятия власти Советом. Пламенными патриотами социалистического отечества вступали они в Красную гвардию, а потом в партизанские отряды и в ряды Красной Армии.

В ожесточенных боях под Марьяновкой с чехословаками получили они боевое крещение. В партизанских отрядах и в рядах молодой Красной Армии героически сражались они против колчаковских войск и иностранных интервентов. Полным

---

[1] Доклад о Красной гвардии в общем собрании Совета Р. и С. Д. „Революционная мысль" от 1 (14) февраля 1918 г. Протоколы заседаний 3-го Западно-сибирского съезда Советов Р. и С. Д. от 2—10 декабря 1917 г. Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 81. См. также газету „Советская Сибирь" от 5 ноября 1927 г.

[2] Протокол чрезвычайного заседания штаба Красной гвардии от 3 мая 1918 г.

[3] Из материалов Истпрофа окрпрофсовета. Гос. архив Омской обл. Справочн. фонд., ед. хран. № 15. См. также „Известия..." от 31 марта 1918 г.

[4] *Ленин*, Соч., т. XXIII, стр. 13, 14.

разгромом белогвардейщины обеспечили они свободное развитие советской социалистической Сибири. Это были славные предшественники тех орлов-сибиряков, которые стяжали себе неувядаемую славу в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков: бывшего колхозника, Героя Советского Союза подполковника М. С. Батракова, бывшего пахаря, Героя Советского Союза летчика-истребителя Н. Я. Тотмина, мастера штыкового боя капитана Козина и грозы немецких фашистов — старшего лейтенанта Люманова, которых так ярко обрисовал поэт Петр Молчанов:

Словно буря сибирская рвется
Над рядами и взводов и рот,
Там, где Козин с врагами дерется,
Где Люманов в атаку идет[1].

На Семеновский фронт* из Омска был отправлен 1-й омский интернациональный отряд из 800 человек венгерцев и австрийских немцев. Военнопленные охотно вступали в Красную гвардию, а затем и в Красную Армию и обнаружили большую стойкость в борьбе с контрреволюцией. Это не на шутку встревожило германское правительство. В конце апреля в сибирских газетах была опубликована нота германского министра иностранных дел. В ноте был заявлен протест против создания военнопленными в Советской России различных организаций.

Германское правительство требовало разоружения революционно настроенных пленных, отделения австрийцев от более „благоразумных" немцев, охраны офицеров, недопущения собраний и съездов пленных и т. д.[2]

Тревожное настроение правительства Вильгельма II имело основание. Военнопленные начинали понимать ненужность, гибельность для германского народа войны против Советской республики. Военнопленные начинали сознавать, что главным врагом германского народа, как и народов союзных Германии стран, является правительство германских империалистов. В этом отношении военнопленные немцы были солидарны с австрийцами и венгерцами.

Напрасно германский министр иностранных дел надеялся, что изоляция немцев от австрийских военнопленных удержит их в пределах „благоразумия".

8 января 1918 г. собрание около 300 венгерских и румынских военнопленных с участием представителя германской организации военнопленных единогласно приняло следующую резолюцию:

---

[1] „Сибиряки на фронте", Новосибгиз, 1941 г.

* Семеновский фронт образовался в связи с контрреволюционным выступлением в Забайкалье атамана Семенова, казачьего есаула, агента японского империализма.

[2] См. „Пролетарскую революцию" № 5 (76) за 1918 г., стр. 158—165.

„Мы требуем от правительства Австро-Венгрии немедленного прекращения войны...

Самым решительным образом протестуем мы против жадных грабительских планов германских и австро-венгерских капиталистов, протягивающих свои окровавленные руки к землям порабощенных Польши, Лифляндии и Курляндии...

Возмущенные, мы протестуем против того, чтобы опять погнали наших братьев и отцов в новую ужасную кровавую бойню.

Довольно слез! Довольно крови и страданий! — мира требует черная от траура вдов и сирот Венгрия. Требуем мира с черным гневом мы из белой Сибири"[1].

Такие же требования с таким же возмущением и гневом предъявляли к правительству Германии военнопленные немцы.

Этот гневный возглас военнопленных, раздавшийся в Омске 24 с половиной года назад, слышится и в декларации немецких военнопленных, обманом и насилием брошенных Гитлером в позорную, грабительскую войну против Советского Союза. Вот что они заявляют:

„Товарищи на фронте! Немецкие мужчины и женщины!

Мы такие же немецкие солдаты, рабочие, крестьяне и служащие, как и вы. Сейчас мы находимся в плену в Советском Союзе.

Мы много думали о войне и о судьбе Германии. Мы убеждены, что эти слова выражают мысли миллионов из нас. Мы любим нашу родину и наш народ, как и вы... И именно потому, что мы любим наш народ, что мы хотим видеть нашу родину свободной и страстно желаем счастья нашему народу, мы ненавидим Гитлера.

Мы ненавидим Гитлера за то, что он вверг нашу страну в самую кровавую, самую безнадежную и преступную войну, в войну против Советского Союза — первого в мире рабочего государства...

От немецкого народа скрываются неслыханные потери и серьезность положения. Кайзер Вильгельм II в войне 1914—1918 гг. точно так же обманывал наших отцов „победами" немецкого оружия. Подобно кайзеру Вильгельму, Гитлер напобеждается до смерти"[2].

Эта декларация подписана 158 солдатами германской армии, находящимися в советском лагере для военнопленных. Она напоминает немецко-фашистским империалистам о забытом ими историческом уроке.

В марте Западно-сибирский исполнительный комитет разослал телеграммы всем Советам Западной Сибири о военной опасности на Востоке.

Западно-сибирский исполнительный комитет предложил ор-

---

[1] „Революционная мысль" от 16 (29) января 1918 г.

[2] „Известия Совета депутатов трудящихся СССР" от 15 ноября 1941 г.

ганизовать вооруженные, обеспеченные обмундированием и снабженные продовольствием партизанские отряды и направить крупные отряды в Иркутск в распоряжение Центросибири, а мелкие в Омск и Томск[1].

В апреле 1918 г. в Омске было 5 рот пехоты Красной Армии (по 180 человек в роте), 1 кавалерийская сотня и одна 3-дюймовая батарея. К этому времени из Омска было отправлено на фронт уже три отряда: два отряда общей численностью в 900 человек в Иркутск и один отряд в 300 человек в Челябинск. Омская Красная гвардия насчитывала тогда 2 тыс. бойцов[2].

В омских газетах печатались объявления о записи волонтеров в международные партизанские отряды[3].

Наконец, 18 апреля коллегия Омского штаба по организации международных пролетарских партизанских отрядов постановила:

„Имея в виду постановление Западно-сибирского штаба по организации Красной Армии и Западно-сибирского комитета Советов рабочих и солдатских депутатов о необходимости прекратить организацию партизанских отрядов и весь центр работы перенести на сформирование Красной Армии, запись русских в партизанские отряды прекратить и скорее окончить формирование 2-й роты из иностранных подданных. После чего ликвидировать дело по формированию партизанских отрядов“[4].

Это был первый этап строительства Красной Армии в Сибири.

ОМСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ

Взявши власть, Омский совет должен был разрешить вопрос о снабжении хлебом и другими продовольственными продуктами пролетарских центров и прежде всего Петрограда. Это был вопрос жизни и смерти социалистической революции. В конце 1917 и в начале 1918 г. Западная Сибирь являлась главным источником продовольственных заготовок Советской республики.

В столице создалось крайне тяжелое продовольственное положение. Питерские рабочие голодали.

Через месяц после Октябрьского восстания Ленин от имени Совета Народных Комиссаров писал Военно-революционному комитету:

---

[1] См. „Известия...“ от 20 марта 1918 г.

[2] Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 56, л. 18.

[3] См. „Известия...“ от 26 марта 1918 г.

[4] Заседание комиссии Омского штаба по организации международных пролетарских партизанских отрядов. Гос. архив Омской обл., ф. № 19, ед. хран. № 26, л. 35.

„Продовольственная разруха, порожденная войной, бесхозяйственностью, обостряется до последней степени спекулянтами, мародерами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр.

В условиях величайших народных бедствий преступные хищники ради наживы играют здоровьем и жизнью миллионов солдат и рабочих.

Такое положение не может быть более терпимо ни одного дня"[1].

Совет Народных Комиссаров предложил Военно-революционному комитету принять самые решительные меры для борьбы со спекуляцией и саботажем. Эти меры в столице были приняты. Они должны были применяться и на местах заготовок и на всем пути следования продовольственных грузов, где пришлось столкнуться с организованным саботажем, причем саботажники получали директивы из контрреволюционного центра.

В продовольственном комитете Западной Сибири и Урала, созданном для регулирования и усиления продовольственных и фуражных заготовок, орудовали меньшевики и эсеры вместе с буржуазными кооператорами. Они всячески саботировали продовольственное снабжение. Но под давлением рабочих и из страха перед солдатами-фронтовиками саботажники открыто действовать не решались. Они прибегли к хитрости. Омские меньшевистские и эсеровские газеты прекращают печатание сообщений о продовольственной нужде в Европейской России и начинают раздувать слухи о продовольственных затруднениях в сибирских городах.

После взятия Омским советом власти саботаж продовольственных органов усилился.

В декабре т. Свердлов по телеграфу передал Центросибири: „Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб. Легче всего его можно достать в Сибири. Для этого требуется, чтобы работа железных дорог ни на минуту не останавливалась. Поэтому поставьте задачу подбросить угля недостаточным районам степной полосы, где движение уже останавливается, особенно на участках Омск—Тюмень, Омск — Петропавловск. Задача эта боевая. Питерские рабочие готовы снять последнюю рубаху, чтобы обменять ее на хлеб. Надо подготовиться, чтобы начать организованную переброску сибирского хлеба. Для этого срочно будет брошен товарный эквивалент. Поторопите канцев (т. е. район Канска, Енисейской губ.— *А. Ф.*), обещавших несколько сот вагонов ржи и овса. Но главная продовольственная работа должна быть сосредоточена в Западной Сибири, с базой в Омске. Иркутск, Томск должны помогать ей усиленной переброской своего угля... Исполнение не затягивайте. Петроград, Москва, промышленные районы и фронт вступили в полосу голода".

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 78.

В половине декабря на Омской железной дороге с перевозкой продовольственных грузов создалось катастрофическое положение. Железная дорога совершенно прекратила грузовое движение и отправляла только пассажирские поезда. Железнодорожная администрация в оправдание этого ссылалась, конечно, на „объективные" причины: недостаток угля, непринятие вагонов соседними дорогами, беспорядочное движение воинских эшелонов и т. п. Но при всем этом саботаж со стороны высшей железнодорожной администрации был несомненен. В то же время ВИКЖЕЛЬ проводил свою контрреволюционную линию, требуя, чтобы начальники станций хлеб, следующий в Петроград, направляли в адрес Учредительного собрания.

В Омск прибыла делегация фронтового съезда по продовольствию в составе 105 человек, для того чтобы усилить снабжение фронта хлебом. 22 декабря состоялось совещание представителей железнодорожных организаций, Омского совета рабочих и солдатских депутатов, продовольственной управы, делегатов фронта и др. Краевой продовольственный совет присутствовал в полном составе.

Принято решение поручить расследование причин приостановки грузового движения транспортно-технической комиссии Омской железной дороги, включить в эту комиссию по одному представителю от каждой из участвовавших в совещании организаций и трех представителей фронтовой делегации, предоставить комиссии чрезвычайные полномочия. Фронтовые делегаты требовали принятия решительных мер против саботажников, оставивших работу в продовольственных органах[1].

5 января 1918 г. из Омска был отправлен первый продовольственный маршрутный поезд в Петроград.

О саботаже на Омской железной дороге, о том, что ВИКЖЕЛЬ не оказывает содействия отправке более тысячи погруженных уже вагонов, было официально сообщено Совету Народных Комиссаров. Вместе с тем омские партийцы просили Совнарком прислать денег, а также мануфактуру и металлические изделия для обмена на продовольствие[2].

По этому поводу Ленин 28 (15) января 1918 г. указал, что необходимо „архи-энергично помочь этим людям..."

В этот же день Ленин написал в Комиссариат продовольствия и Продовольственный отдел Высшего совета народного хозяйства:

„Податели... уполномоченные Областного Комитета Уральских Советов. Необходимо поручить им принять самые революционные меры для продвижки вагонов с хлебом в Питер из Сибири"[3].

---

[1] См. „Революционную мысль" от 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.).

[2] *Г. Дронин,* Борьба за хлеб в Западной Сибири (накануне и в первые месяцы после Октября). „Борьба классов" № 3 за 1935 г.

[3] „Ленинский сборник" XVIII, стр. 212.

В Омске от Народного Комиссара по продовольствию была получена телеграмма:

„Для усиления подвоза хлеба Комиссариат продовольствия решил ввести организованный товарообмен. Немедленно Вам начнут отправляться маршрутные поезда с предметами первой необходимости, как-то мануфактура, нитки, галоши, спички, подковы, гвозди, сельскохозяйственные машины и орудия и прочее.

Инструкция ведения товарообмена рассылается, немедленно широко оповестите в тысячах экземплярах о новой мере деревню, побуждайте к немедленной сдаче хлеба, организуйте во всех ссыпных пунктах выдачу удостоверений о сдаче хлеба на право получения товара, как только прибудет.

Народный Комиссар по продовольствию Цюрупа".

Получив эту телеграмму, Омский областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обратился с воззванием к крестьянам и казакам области:

„Товарищи крестьяне и казаки!

Наше рабоче-крестьянское правительство, озабоченное о снабжении населения предметами первой необходимости, решило ввести организованный товарообмен — хлеба и других продуктов сельского хозяйства на мануфактуру, спички, сельскохозяйственные машины и прочие предметы.

Проведение этой меры, могущей предотвратить финансово-экономический крах Советской республики, в значительной степени зависит от вас.

Голодные рабочие и крестьяне России, вырабатывая необходимые предметы, лишаясь их сами, — посылают к нам в Сибирь, богатую хлебом, чтобы на эти предметы получить хоть немножко хлеба, хоть немножко утолить свой голод, чтобы накормить умирающих детей.

Товарищи сибиряки! Ограничьте себя и спасите молодую Советскую республику, ее завоевания, землю и волю,—везите хлеб.

Везите хлеб на ссыпные пункты, где вам будут выдавать удостоверения на право получения товара, который, как только будет получен, немедленно будет распределяться.

Придите на помощь голодающей России, дайте хлеба, иначе они и мы погибнем и погибнут все наши завоевания и Советская республика"[1].

Третий Западно-сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, обсудив продовольственный вопрос, признал необходимость коренной реорганизации продовольственного дела в Западной Сибири „на основе советской политики",

---

[1] Гос. архив Омской обл., ф. № 284, ед. хран. № 1. Дата получения телеграммы и выпуска воззвания не указана. Но сопоставляя телеграмму с другими документами, следует притти к заключению, что получена она была в январе 1918 г.

переустройства и обновления продовольственных органов и решительной борьбы со спекуляцией.

Мешечникам, которые явились на съезд и пытались внести дезорганизацию в его работу, было приказано немедленно выехать из Сибири[1].

Перед закрытием съезда председатель его Н. Н. Яковлев выступил с таким заявлением:

„В смысле снабжения хлебом работа в Сибири является теперь столь же ответственной, как работа в Петрограде и Москве. Мы должны напрячь последние усилия, ибо нам неоткуда ждать поддержки. Весь исход дела зависит от вашей энергии. Необходима во всем организованность... Всем Советам надо немедленно приступить к разрешению продовольственных вопросов и спаяться с крестьянскими советами, надо разбудить самосознание масс, привлечь их к самодеятельности"[2].

Призыв этот нашел живой отклик у крестьянства Омской области.

„Мы всеми силами будем бороться с продовольственной разрухой и саботажниками, которые усиливают ее",—заявляют крестьяне села Шереметьевки, Борисовской волости. „Мы просим продовольственную управу озаботиться об отправке хлеба на фронт и в голодающие губернии маршрутными поездами",—говорят граждане села Бугаевки[3].

Таким стремлением были воодушевлены крестьяне, освобожденные Октябрьской социалистической революцией от вековой кабалы.

Перед Омской областью в 1918 г. стояла ответственнейшая задача—обеспечить продовольствием фронт и тыл молодой Советской республики. Омские крестьяне и рабочие эту задачу выполнили.

15 марта 1918 г. в омских газетах было напечатано такое воззвание:

„Товарищи!

Революционные рабочие Петрограда выносят на себе всю тяжесть войны с германским империализмом.

Вы знаете, в каком состоянии сейчас находится продовольствие Петрограда.

Товарищи! От недостатка продовольствия, от недосдания и даже от голода страдают не только рабочие, но и их семьи, их дети.

Мы не должны допустить, чтобы цвет пролетариата погиб.

---

[1] См. протокол заседания 3-го Западно-сибирского областного съезда Советов Р. и С. Д. Омск, Облпартархив, ф. № 19, ед. хран. № 80, лл. 28—29.

[2] *С. Кочнев,* Третий съезд Советов Р. и С. Д. Западной Сибири. „Рабочий путь" от 22 декабря 1927 г.

[3] См. „Революционную мысль" от 9 (22) января 1917 г.

Петроградские рабочие посылают нам своих детей! Они вверяют нам их жизнь и здоровье.

Петроградский пролетариат ждет от нас помощи и спасения своего потомства.

Все, кому дороги интересы пролетариата, должен чем-нибудь помочь комиссии по размещению и обеспечению приезжающих детей петроградских рабочих"[1].

Петроградские дети встретили в Омской области самый радушный прием. Эти славные традиции омских рабочих и крестьян сохранились и в настоящее время, когда дети, эвакуированные из осажденного фашистскими разбойниками Ленинграда, находят у омичей приют и окружаются нежными заботами.

В декабре 1941 г. женщины-общественницы и колхозники Нижне-Тавдинского района Омской области обратились ко всем женщинам и колхозникам Омской области с призывом „окружить лаской и заботой детей, временно оторванных от родного дома или потерявших своих родных и близких".

Женщины-общественницы Нижне-Тавдинского района обеспечили материнский уход прибывшим из Ленинграда детям, поместили их в теплые, уютные помещения, установили дежурства в интернате, выстирали более 3 тыс. пар белья, снабдили детей посудой, музыкальными инструментами и т. д. Колхозы обеспечили эвакуированных детей хорошим питанием и организовали подсобное хозяйство интерната.

Омский обком ВКП(б) поддержал инициативу женщин-общественниц и колхозников и мобилизовал общественность всей Омской области на широкую помощь эвакуированным детским учреждениям и материальную заботу об эвакуированных детях[2].

В докладе о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин с исчерпывающей ясностью определил задачи, стоящие перед гражданами Советской страны в дни Великой Отечественной войны против немецких захватчиков:

„...необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с

---

[1] „Известия..." от 15 марта 1918 г.

[2] См. „Омскую правду" от 29 декабря 1941 г.

нашей армией и флотом Великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины, за разгром немецких армий"[1].

Приказ вождя выполнен советским народом.

1 мая 1942 г. товарищ Сталин констатировал, что „фронт и тыл представляют у нас единый и нераздельный боевой лагерь, готовый преодолеть любые трудности на пути к победе над врагом"[2].

Омская областная партийная организация обеспечила самую напряженную работу на предприятиях и на полях, мощный патриотический подъем рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции области.

Омская область снабжает фронт вооружением, боеприпасами и снаряжением, из месяца в месяц увеличивая выпуск продукции своих промышленных предприятий. Омская область усиленно снабжает фронт и ближний тыл хлебом и другими продовольственными продуктами.

В тесном единении с фронтом, стремясь окружить заботами родную Красную Армию, помочь ей разгромить ненавистного врага, трудящиеся Омской области охотно отдают свои сбережения в фонд обороны, собирают крупные средства, чтобы увеличить вооружения Красной Армии, посылают делегации с эшелонами подарков на фронт, непосредственной перепиской устанавливают дружеские связи с бойцами, командирами и политработниками, воодушевляют их на героическую борьбу.

Вот цифры, показывающие, что трудящиеся Омской области занимают в оказании помощи фронту достойное место среди патриотов великой Советской страны.

На 1 июня 1942 г. добровольные взносы на создание фонда обороны СССР составили по Омской области 43 миллиона 295 тысяч 900 рублей деньгами и 32 миллиона 960 тысяч рублей облигациями государственных займов. Кроме того, было внесено 1 тысяча 441 грамм золота, 48 тысяч 841 грамм серебра и 61 грамм платины. Продуктами собрано: 29 тысяч центнеров хлеба, 1 тысяча 220 центнеров картофеля, 2 тысячи 356 центнеров мяса, 17 тысяч яиц, 532 тысячи литров молока и т. д. Теплыми вещами: 15 тысяч 475 полушубков, 60 тысяч 890 пар валенок, 54 тысячи 300 пар белья, 92 тысячи 320 килограммов шерсти и многое другое.

На 1 июля 1942 г. по области было собрано 2 миллиона 574 тысячи рублей на постройку авиаэскадрильи „Омский комсомолец", 2 миллиона 791 тысяча рублей на постройку танковой колонны „Боевые подруги" и 1 миллион 403 тысячи рублей на бронепоезд имени МОПР.

Денежно-вещевая лотерея реализована в области на сумму

---

[1] *И. В. Сталин*, XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции", Омгиз, 1941 г., стр. 18—19.

[2] Приказ Народного Комиссара Обороны 1 мая 1942 г. № 130, „Правда" от 1 мая 1942 г.

24 миллиона 70 тысяч рублей и государственный военный заем 1942 г.—на сумму 210 миллионов 492 тысячи рублей.

На передовые позиции нашим воинам из Омской области непрерывным потоком идут подарки трудящихся. С 1 января по 1 мая 1942 г. было отправлено 87 тысяч 544 подарка, 423 тысячи 667 килограммов посылок на общую сумму 5 миллионов 937 тысяч 445 рублей.

Рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция Омской области с честью выполняют свой долг перед социалистической Родиной.

Омские большевики мужественно боролись за власть Советов.

Омские большевики с таким же мужеством борются за свободу великой Советской страны, против лютого врага нашей Родины и всего человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. Тетерев. Предисловие 3

Омск как центр Западной Сибири 13

Февральская революция в Омске 15

Завоевание большевиками рабочих масс Омска 26

Успехи большевиков среди солдат Омского гарнизона 33

Борьба большевиков за крестьянство 38

Подготовка Октябрьской социалистической революции в Омске 43

Проведение Октябрьской социалистической революции в Омске 51

Первые шаги Советской власти в Омске 60

Омские большевики в борьбе с голодом 83

ОМГИЗ. 1942 г. Изд. № 45.
Индекс П-2.

Подписано к печати 22/X-42 г.
Формат 60x92/16. Объем: 2 7/8 бум. л.,
5 3/4 печ. л., 6,62 авт. л., 6,67 уч.-изд. л.
46 400 тип. знаков в печ. л.
Тираж 6 000 экз.

ПД25640

Типография издательства „Омская правда", Омск, ул. Декабристов, 47.
Заказ № 5128

Цена книги 1 р. 50 к., переплета 80 к.

2 р. 30 к.

230-2